

18+ Алексей Корявин

Про Святого Деда

Первая часть трилогии
«Про Отца, Про Сына, Про Святого Деда»

Алексей Корявин
Про Святого Деда. Первая
часть трилогии «Про Отца,
Про Сына, Про Святого Деда»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72505207

ISBN 9785006044517

Аннотация

Это не хроники. Не исторический труд. Скорее это попытка «сохранить». Для того, что бы Вы могли «загрузить», прочувствовать, прожить вспоминая, моменты счастья, боли, всё то, из чего складывались жизни давно ушедших, но близких и родных людей. Это попытка разглядеть те самые слезы, исчезающие под дождем. Своим сыновьям и их потомкам адресую я эту книгу.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	15
Глава 8	16
Глава 9	17
Глава 10	19
Глава 11	20
Глава 12	21
Глава 13 (1932год)	23
Глава 14	27
Глава 15	29
Глава 16	34
Глава 17	35
Глава 18	37
Глава 19	39
Глава 20 (1934год)	40
Глава 21 (1935год)	42
Глава 22	45
Глава 23	46

Глава 24	48
Глава 25	50
Глава 26	52
Глава 27	54
Глава 28	55
Глава 29	58
Глава 30	60
Глава 31	62
Глава 32	63
Глава 33	66
Глава 34	69
Глава 35 (1937год)	70
Глава 36	73
Глава 37	76
Глава 38	78
Глава 39	80
Глава 40 (1938ГОД)	82
Глава 41	85
Глава 42 (1938год)	87
Глава 43 (1939год)	90
Глава 44	93
Глава 45	96
Глава 46	97
Глава 47	98
Глава 48	100
Глава 49	107

Глава 50	109
Глава 51	112
Глава 52	114
Глава 53 (1940год)	117
Глава 54	119
Глава 55	126
Глава 56	127
Глава 57	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Про Святого Деда

Первая часть трилогии «Про Отца, Про Сына, Про Святого Деда»

Алексей Корявин

© Алексей Корявин, 2025

ISBN 978-5-0060-4451-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-4454-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Они нас выдумают снова
Сажень кося, твердый шаг
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.

/П. Коган 1940/

Глава 1

Скрип дверцы. Сначала скрип этой проклятой, маленькой дверцы. Он уже проснулся. Надо бы смазать её маслом чтоб не скрипела так противно. В очередной раз подумал он.

В открывшуюся дверцу вылезла маленькая птичья голова. Один глаз совсем стерся. Часы были очень старыми. Кук. Ку. Ку. Кук. Четыре жалобных вздоха. Скрип, дверца закрылась. Пора вставать. Петух Филипыч сегодня ночует в сених. Мать сказала, – убери в сени, орать не будет, негоже в день похорон деревню будить. Мертвеца еще разбудим.

Надо вставать. Дел много. Могилу так вчера и не докопали. Мороз нынче не по этим местам. Надо вставать. Идти к могиле. Костер в яме запалить да землю прогреть. Прогрется, – копать легче будет. А времени мало. Отца в 10 утра договорились Отпеть да и схоронить. Потому как у Иерея Михаила в 12 уже, с Дубков Гришка-Сапожник венчаться свою свадьбу привезет. Гришка в Дубках сапожничают. А я в Полипках вроде сапожника. Такая жизнь. Кому в землю, а кому под венец. Надо вставать.

Глава 2

Отца схоронили. Молодой совсем. И тридцати не пожил. Мать слезинки не пролила. Как не верит до сих пор. Взгляд только странным стал. Смотрит на тебя, а как не видит. Как будто за даль куда-то. И чего он помер не понятно. Все так хорошо ж было. Сестра старшая письмо прислала из Белого, что всё у нее ладно, на ферму устроилась. Пока помощницей взяли, но говорят что так положено, и в доярки быстро назначат. В вечернюю школу при рабфаке записали ее. Теперь, пишет умной будет, ой дура.

Село Белое это вроде райцентра у нас. Большое такое село при ферме. Мы то сами в Краснодаре живем, там я и родился. А в Белое приехали отца хоронить. Отсюда родители мои. Сюда вот с отцом и вернулись. Белое на правом берегу речки стоит. Речки Беленькой. А на левом деревня Дубки. Ну как деревня, так три дома да солома. Ну если считать то шесть дворов. У в нашей то тоже, – семь. Значит мы как старшие для Дубков. Поэтому церквушка у нас стоит, а не у них.

Надо со справкой сходить. С посмертной. Мать сказала. По справке мол денег в Райсовете должны дать – похоронные как говорят. Немного но все же. Сапожничая я в Краснодаре. А много ли сапожник заработает? В нашем положении то любая копейка, – рубль.

Глава 3

Лето. Пыльно. Сапоги то отцовские чистил, чистил а за околицу вышел, – они в пыли уже все. Обернулся. Ма-тушка всё стоит на холмике. Увижу ли еще?

Глава 4

Буйнакс- городишко маленький. Толком то и не городишко. Станция одна, да наше Расположение. 83й стрелковый полк. Казармы. Солнце. Форму новую выдали. Да и не помню толком то. Прослужил меньше месяца. Только настраиваться начал на службу, как вызвал КомРоты.

– Держи, Боец. Это предписание тебе. Через трое суток должен быть на родине. Определяешься в вашу местную ячейку ОСОАвиахима. Смотри не опаздывай. Они нам общат- доехал или нет. Предвижу вопрос, Боец?

– Да товарищ Капитан. Разрешите?

– За что такое счастье? Отвечаю, – по закону. А закон у нас, – для Народа. Ты один в семье остался мужского полу. Вот значит тебе такое послабление, – служить будешь не далеко от родного места проживания. Понял?

– Так точно, товарищ Капитан. Разрешите идти?

– Иди, Боец. Да помни, – Родина на тебя смотрит.

Глава 5

– Иоан, значит? Дядька усатый сидел в такой маленькой комнатке, что к нему и не войти то было.

– Так назвали. Да я привык. Многие спрашивают. Отозвался я из коридорчика.

– Ты, знаешь, вот что. Дядька не моргал и смотрел прямо из своего маленького кабинета как филин из дупла.

– Ты в бога веришь? – спросил он.

Вот как он значит зашел. С козырей. Чего я не подумал то. Ведь столько раз проговорил в голове. Столько всяких каверзных вопросов сам с собой обсудил, обмозговал. А такого не подумал даже. Ну усы то у него явно не замоленные. Да и взгляд тоже, не раба божьего. Скажу как есть.

– Нет. Но обычаи и епитимии там всякие соблюдаю. Стараюсь. Не всегда правда, так по возможности, – замялся я.

– Епитимии? -улыбнулся усатый, -соблюдаешь говоришь? Да как рассмеется.

И громко так. Ну я тоже улыбнулся. Сам думаю, чего то наверно сморозил.

– Ну какой ты Иоан? Запишу я тебя Иваном. Ну сам посуди. Летчику в небо отправляться. Подходит он к самолету. Здравия желаю, говорит, товарищ летный механик, самолет к полету готов? Ну ты ему, так точно, товарищ военлёт! А как зовут тебя, механик? И руку свою лётческую, герои-

ческую тебе протягивает. А ты ему, – Иоан. Ну и представь что летчик подумает? Что его Святой Иоан на тот свет провозжает? В последний, так сказать, полет? Иваном тебя запишу, не спорь. Через месяц удостоверение с Харькова придет, вот его и показывай по необходимости. А метрику церковную спрячь подальше.

– Ну хорошо. Сказал я уже без улыбки. В словах этого дядьки была правда. Что мне действительно в Авиации делать, с ладанкой такой.

– Не хорошо! А есть! Или так точно. Привыкай. Отца как зовут? Посерьезнел усатый.

– Звали. Представился он этой зимой. Тимофеем был.

– Не представился, а помер. А еще лучше, вернее, извини, куда уж тут лучше-то, вобщем можно сказать- умер. Так и пишу, – Тимофеевич. Мать то жива?

– Жива. Сказал, а сам ту картинку вспомнил. Околица, холмик да Матушка.

Глава 6

Наладилось. Житуха куда интересней чем в деревне то. Спать можно аж до шести утра! А дома то в четыре за ногу хватают. Целых два часа блаженства. Кровать на пружинах, железная! А подушка то, – с ватой! А дома то сено из подушки торчит, да ухо чешет. С сестрой встречался уже два раза. Даже письмо совместное Матушке направили. Прямо на скамейке в сквере у рынка, сели, написали, на почту значит пришли, говорим, нам письмо отправить, а нам конверту выдают и говорят, – если по области, – можно и без конверта, а мы говорим, – а мы конверту хотим, – говорим, – у нас, деньги есть!

Матушка то, поди первый раз в жизни конверту увидит, сеструха тож без конверту посылала.

Сестре в общежитии место дали. Койко-место называется. Это я теперь знаю. Потому что у меня тоже койко-место скоро будет. Сами казарму строим. Нас пятьдесят человек набралось. К Рождеству успеем. Да что я все...

Не к Рождеству, – к Новому году. Потому что я теперь с удостоверением. Слушатель Школы младших авиационных специалистов. ШМАС- сокращенно. А у сестры- Школа рабочей и сельской молодежи.

Хотелось бы конечно деревню навестить. Но придется потерпеть. А Матушка справиться. Молодая еще.

Глава 7

– Я завтра в Харьков лечу. Новый аппарат принимать. Мне нужен техник. Хочу тебе, Ваня, предложить. Ты вроде как у нас – отличник. И не вроде совсем, а так и есть. Что скажешь?

Усатый Кузьма Иваныч все так же выглядывал из своего маленького кабинета. А я все так же смотрел на него из коридорчика в маленьком домике у края летного поля. Авиаполя Осовавиахима села Белого.

Полтора года учебы пролетели как один день. Через неделю экзамены. Так что я уже не Слушатель, а- Выпускник.

– Кузьма Иванович, я б с радостью, только экзамены на носу. Готовиться надо.

– Экзамен в Харькове сдашь. Мне. Нам машину под названием Р-5 принять надо. Слышал о такой новинке? Это тебе не наши Аврюши. Техника новая, незнакомая. Все по серьезному. Ошибемся, – не вернемся. Чем не экзамен?

– Кузьма Иванович, согласен! Готов к труду и обороне!

Глава 8

Погода отличная. Взлетели. Вернее взлетел я. Пятый мой взлёт. Кузьма Иванович уже даже не смотрел, – доверял. Хотя затылком не одобрительно кивал. Он в передней люлке, я в задней. Вобщем поднялись и аккуратно над коровником вправо и пошли. Где-то там внизу в этом коровнике сестра возится. В воскресенье увидимся, расскажу ей как над ней просвистел.

Интересно что за машина этот новый самолет? Сколько вопросов будет?

Небо прозрачное сегодня. Помашу-ка я крыльями, а вдруг сестра заметит.

– Ваня, не фулюгань, – крикнул Кузьма Иванович чуть обернувшись.

Да ладно, – подумал я, но не стал перекрикивать ветер. Поприветствовал так сестрицу.

Глава 9

«Р-5» оказался серьезным аппаратом. Задержались даже на лишнюю ночь. Но зато от обстоятельности приемки, добавилось уверенности.

– Ну что, Ваня, как думаешь?

– Не сложнее самовара, Кузьма Иванович, – сострил я.

Р-5

Вопросы эти были скорее для ободрения друг друга. Потому что оба провели эти два дня во внутренностях нового самолета на равных. Не было здесь начальника и курсанта. А лишь два механика, изучающих новое.

Взлет Кузьма Иванович произвел сам. Да Иван и не подумал обижаться. Поднялись.

– Пока сам пойду- крикнул Кузьма Иванович.

– Хорошо- крикнул Иван. По ощущениям он уже чувствовал разницу с «Аврюшей». Совсем не трясло. Самолет шел мягко и уверенно. А звук двигателя был лишен металлического цокота, мягкий такой, как будто букву Ц у двигателя отняли.

Оба молчали. Прислушивались к своим ощущениям. К поведению машины. Так и подошли к Белому.

Сейчас коровник, за ним поля выпасные, а там за слободкой и поле.

И как то резко я голову повернул и защемило в шее. А в глазах как будто потемнело на мгновение. И не сразу как то понял что увидел. Коровник как будто не наш что-ли? Сгорел? Сгорел! Остов черный, обугленный!

– Кузьма Иванович, – вскрикнул я, -Что с коровником то?

– Вижу, Ваня, пожар чтоли был, похоже.

И шея так заломила, недобро. Лицо сестры перед глазами.

Что же там?

Мысли понеслись куда-то бешено.

– Садись, Кузьма Иваныч, скорее!

– Да, сажусь, сажусь.

Глава 10

Как то все просто получилось. Тракторист Митрофан, после вчерашнего, туго соображал. И подъехав с прицепом сена решил показать какой он значит умелый, – заехать прицепом прямо в коровник. Заезжая в ворота, зацепил вилы. Они упали, он не заметил. Вилы попали под колеса, ударили в бензобак. Он опять не заметил. Мало ли что там под трактором. И дырочки то не большие получились, но бензин побежал. На сено. А Митрофан не побежал. Закончив маневр он решил перекурить. Перекурил. И бычок кинул. В сено с бензином. Полыхнуло мгновенно. В коровнике восемь доярок, и три десятка коров. А в единственном выходе полыхающий трактор с полыхающим прицепом сена. Только железный остов от трактора и остался. С маленькими дырочками в бензобаке. Что в гроб класть? Кости? Человеческие да коровьи. Вот так. Помахал крыльями. Попрощался значит.

Глава 11

Экзамены сдал конечно. Матушку перевез к себе. Дом деревенский соседям отдали. Мать продать порывалась. Да старый он. А за копейку торговаться, – соседи не поймут. Вещи забрали. Даже «Полуторку» Кузьма выделил. Часы тоже забрали. Вот только не смазал еще. Кузьму Ивановича, как обставились, пригласил. С матушкой познакомил. Забавно вышло. Они оба подумали что я их как бы намеренно знакомлю. Он- одинокий. Да и не старый еще. А Матушка, ну тоже, того, – не старая в общем. Но у меня и мыслей то таких не было. Как то случайно получилось. Так и сидели все трое и краснели по неловкости ситуации. А Кузьма Иванович решил как-то разрядить обстановку, говорит, – Иван теперь удостоверение имеет и человек он теперь технически грамотный а значит авторитетный а значит и ко мне может теперь на ты, то есть по имени обращаться, но только не на службе конечно. Ну тут мы вообще все как помидоры стали. Хотел то как лучше, а еще хуже сделал. А как проводили мы его, так с Матушкой смеялись до сна.

Глава 12

С Матушкой попрощался. Все спокойно что-ли прошло. Рассказал ей как на память приходило часто- как с деревни уходил, как её на околице видел, как снилось потом.

– Ты, Ванечка уверенный очень, по-сторожнее будь, не лезь первым то.

– Не переживай за это, всё уже понимаю и осознаю. Я тебе помахая крыльями. Доберусь- напишу.

Прощались у летного поля. Кузьма Иваныч в сторонке стоял, а как я к самолету пошел, подбежал к Матушке что-то сказал ей. Но я далеко был, – не расслышал.

Дорога в Оренбург началась с родного поля. Взлетели, вернее я взлетел. Крыльями Матушке махнул. То ли машет в ответ то ли нет, не разглядел. Да и легли на Харьков. С Харькова мне на поезде уже предстоит. А Кузьма обратно улетит. А дальше события прошли быстрой лентой. В Харькове с почтамта отбил телеграмму в Буйнакс:

«Согласно предписанию направляюсь в Оренбург. Для прохождения дальнейшей службы.» Так до Оренбурга и добрался.

А уже через 2 месяца пошел я в Оренбургское самое богатое фотографическое заведение и сделал там первую свою фотокарточку. В форме младшего авиационного специалиста. А главное- с погонами. С первыми моими погонами, –

младшего, пока, но все-таки, – лейтенанта. Карточки сделал две. На картоне. Получил через два дня. И сразу на почту побежал.

Письмо уже написано конечно было. Одну карточку с письмом Матушке отправил. А вторую карточку оставил себе. На память. Так решил, – с каждым званием, буду карточку делать. Чтоб не забывать. На обороте написал все подробно.

«01.32. Оренбург. Оконч. Уч. АвиаМех. Распред. Ростов-на-Дону 46 ЛБЭ». Специально все подробно написал, потому что не абы куда, а в 4бую. Это они над Москвой летают на парадах. И хоть я не летчик а причастность имею. Пусть все знают. И в нагрудный карман убрал.

Глава 13 (1932год)

До Ростова добирались вшестером- с другими такими же молодыми авиаспециалистами. Правда в 46ой я особо не задержался. Имел место один случай. Как бы по мягче сказать, – не приятный. Для начальства. А для меня, – счастливый. Хотя вынужден использовать другое слово, – удачный.

Прошел примерно полгода как я служил в 46й Легкобомбардировочной отдельной эскадрильи. Первомайский праздник. У нас конечно Танцевальный вечер организовался. По такому случаю девушек местных конечно пускаю через КП, – вопросов нет. А у меня накануне не хороший разговор получился с одним лейтенантом- летчиком. Обвинил он меня в излишней дотошности. Мол что Вы товарищ младший лейтенант все по два раза проверяете? Не помните что ли, что уже сделано? А я ему говорю, что положено нам, – техникам проверять, вот и проверяем, а Вам товарищ лейтенант тоже кстати положено кое-что проверять перед вылетом. Чай не в сани прыгаете.

Ну вот слово за слово так и пошло. И все бы ничего, да он возьми и ляпни что-то обидное мол с такой фамилией товарищ младший лейтенант вам в авиации вообще вредно. И тут меня как-то совсем растеряло. У него то фамилия ну совсем не обзывательная, – Счастливый. Вообще промолчал я. Не нашелся.

Вот с таким настроением я на танцевальный вечер и пришел. Что скрывать приглянулась мне одна девушка. Блондиночка. Смотрю на нее, сам чувствую располагает она на меня взаимность. Старается конечно виду не подать, но чуть возможность возникает сразу, – глядь на меня. И хорошо. Потому что каждый такой взгляд как холодной юшкой лицо умыть. А то мне тоже с красной рожей то сидеть. Что я флаг что-ли?

И решил я пригласить. Дождался я значит очередного её семафора и пошел. Вообще пока шел со Счастливым я и столкнулся. Тут то все и произошло.

– Девушка, – говорит Счастливый, – разрешите рекомендовать. Это младший Техник Корявый. А я- летчик, лейтенант Счастливый. Хочу пригласить Вас на танец, – говорит.

Тут я не могу точно сказать, что я почувствовал, но не хорошее такое почувствовал, но руки сдержал. А вот ногу не сдержал. Хорошенько так вложился. Как наступил ему на правый ботинок. Со всего размаха. Каблуком, с проворотом. В том месте где у человека пальцы. И смотрю на него. Не до блондиночки мне уже. А Счастливый тоже не из сена деланный, – сдержался значит, повернулся ко мне и говорит сквозь зубы, – Выйдем?

Вышли на крыльцо. За мной Сашка, дружок мой, конечно вышел, потом еще кто то из наших, из механиков. За Счастливым тоже летчики вышли. Набралось немного, но и не мало.

– Что ж это получается товарищ младший лейтенант, – начал мне проповедь читать этот поп Счастливый. А мне то какой интерес его слушать? Я ж в бога не верю, епитимии там всякие мне по хвосту. Да и не спускал я такого. Никому. Ну дал ему, не дослушав. В нос.

На том и сказочке конец. Потому что хоть и было там народу не мало, да только все и всё прекрасно поняли. И скандал в эскадрильи которая летает над Красной Площадью, пусть всего два раза в год но все же, – никому не нужен. Да и чревато это совсем другими историями. Для каждого. И даже для тех кто просто смотрел.

Потом я походил вокруг нашего фонтана, Сашка что-то бубнил но я не слушал конечно. Курил конечно. А на очередном витке вокруг фонтана натолкнулся я на блондиночку. Как то вдруг.

– Вера, – сказала она.

– Иван, – сказал я.

– Давайте присядем, Иван, – сказала она и под локоточек так меня цепко взяла и к скамейке и препроводила. Сели.

– Меня Ваша фамилия не особо интересует, Иван, – продолжила она, – мы, Иван, как раз ищем исполнителя роли Дон Кихота Ламанчского в нашей постановке театрального кружка. И я Вам хочу заметить, что наши поиски длятся уже второй месяц. И они безрезультатны. Были, до сегодняшнего дня.

И так она после этих слов на меня посмотрела... Понял

я, что избежать мне роль Дон Кихота, и вправду- безрезультатно.

Глава 14

В начале октября вызвал меня сам Командир эскадрильи, или как их летчики называют- комэск. Мне конечно было странно, – зачем он меня вызвал. Всего лишь техник, младший лейтенант, зачем я ему?

Шел и думал, – наверно что-нибудь о предстоящем параде, вылете эскадрильи, и о техническом состоянии, и тому подобное. Но разговор состоялся более чем странный.

– Садитесь, товарищ младший лейтенант, – перебил моё формальное приветствие КомЭск. Я конечно сел. На крайний стул. Выпрямился, само внимание.

– Слушайте меня внимательно. Крайне желательно, чтобы Вы поняли меня с первого раза. Я принял решение отправить Вас в новое летное училище в г. Ейск. Вы станете летчиком. Морским летчиком, товарищ младший лейтенант. Решение я своё принял хорошенько ознакомившись с Вашим личным делом, хорошенько ознакомившись с Вашим характером. Я бы даже сказал, – с темпераментом.

Тут у меня комок в горле появился. Но названия четкого на этом комке я еще не разглядел. А Комэск продолжил:

– Не место тебе, Иван в авиатехниках. Энергии твоей самое применение в небе, а не на земле. Дон Кихотов играть конечно это хорошо. Но это каждый может. А вот летчиком быть, – тут особый характер нужен. И он у тебя есть. Ты ко-

гда за штурвалом последний раз сидел?

– До Оренбургской школы еще, товарищ майор, год назад уж как.

– Вот видишь. Самому то не уж то не хочется?

– Да хочется конечно, товарищ майор. Только я ж понимаю. Мы в армии. Приказ есть приказ. Техник, значит техник.

– Нет, Иван. Как твоя голова работает, – я знаю. Также знаю про руки твои и особенно ноги. Гармонично я бы сказал у тебя все работает, – в его глазах я уловил смех, хотя лицо оставалось серьезным.

– Так, решено. И еще одно, Иван. Встань пожалуйста.

Я встал по стойке смирно. Не понимая что к чему.

– Училище, в которое тебя рекомендую, носит гордое имя товарища Сталина. Поэтому хочу задать тебе вопрос, – готов ли ты к вступлению в партию? Буду рекомендовать тебя. В характеристике для поступления как кандидата укажем, для веса. Сам понимать должен. В следующий вторник, подготовься вызовем тебя на собрание.

Выдержав небольшую паузу, что бы не сорвался голос я сказал:

– Служу трудовому народу!

Глава 15

Прибыл я значит в училище. Первым делом пошел документы сдавать в приемную комиссию.

По форме конечно прибыл, очередь отстоял. Таких как я не приметил. Много было сверхсрочников, – сержантов, флотские даже какие-то ребята были с широкой полосой вдоль погона. Так и подмывало меня подойти спросить, кто ж такие? А в остальном- по гражданской одежде. Может конечно и в званиях, но я как-то внимание своё на одном пареньке остановил. Больно он щеголем выглядел. Костюм дорогой, – это сразу видно было, ботинки блестели аж солнце икало. И рубашка белая-белая. Вообще я такого франта в жизни своей не встречал. И как-то само собой за ним и наблюдал.

Очередь моя подошла и я вошел в кабинет. Три стола стоят полукругом. За ними усачи сидят. Все трое в форме. Все трое с усачами. Слева капитан-летчик.

Остальные- майоры- моряки. И смотрят на меня. Прямо усачами своими смотрят. Тут я сообразил что представиться надо. А как начать то? Надо же к старшему по званию обратиться, а их тут двое, кто их них главнее?

Думаю, ладно, скажу без затей, мол прибыл для поступления. Но тут один из майоров меня опередил, и все разрешилось:

– Товарищ младший лейтенант, тут у нас приемная комиссия. Вы наверно ошиблись кабинетом?

А я говорю: -Товарищ майор, никак нет. Прибыл для поступления в училище.

Тут они друг на друга посмотрели. И как будто усами своими все трое что то друг другу сказали не слышно. А капитан и говорит:

– Что ж это Вы товарищ младший лейтенант? Вы же в званиях должны разбираться! Какой- такой товарищ майор? Вы вообще в каких войсках служите? Что-то я не пойму вашу форму?

– Виноват, товарищ капитан. Младший лейтенант Корявин. Выпускник Оренбургского училища младших авиаспециалистов. Рекомендован для поступления в настоящее училище командованием 46 легкобомбардировочной эскадрильи.

– А, так Вы авиатехник? – сказал капитан. А майоры как-то сразу ослабились. И я прямо кожей почувствовал как прошло напряжение. Сразу прямо симпатия у них ко мне получилась. И я сразу даже «вольно» встал. А майор, тот что молчал все это время и говорит:

– Запомните, лейтенант. На флоте не «майор» а «капитан третьего ранга». Ну Вас с этим в процессе учебы обязательно ознакомят.

– Так точно, – ответил я. Разрешите отдать документы?

– Давайте- протянул руку капитан. И почти сразу разде-

лил их, отдав часть остальным. Я стоял и ждал. Усачи внимательно изучали документы. Задавали вопросы:

– Так Вы до Оренбурга еще и Осоавихим закончить успели?

– Налет 22 часа?

Мне оставалось только утвердительно отвечать. Сдерживая эмоции. Потом возникла пауза. Усачи молчали и переглядывались. Потом самый молчаливый наконец изрек:

– Вот что, Товарищи. Мне кажется нет никакого смысла проверять знания товарища младшего лейтенанта. Налет у которого больше чем у, некоторых.

Он посмотрел на всех включая меня.

– Товарищ Корявин, Вы будете зачислены в училище. Сегодня у нас четвертое число. Значит, – десятого, Вам надлежит явиться в распоряжение. У Вас небольшое увольнение образовалось.

С этими словами он придвинул телефонный аппарат набрал номер и сказал в трубку:

– Анатолий Аверьяныч? Это я. Сейчас к Вам подойдет младший лейтенант, по фамилии Корявин. Нет, не Коровин, а Корявин, через я. Дайте ему справку о зачислении. Он уже сдал вступительные. Да. Мне. Хорошо. И вот еще, дайте ему увольнительную до 10го сего месяца. За нашей печатью, как курсанту.

Капитан тут встал и торжественно объявил:

– Товарищ Корявин, поздравляю Вас с успешным поступ-

лением в училище Морской Авиации имени товарища Сталина! Вам надлежит явиться в распоряжение до 10:00 10го сего месяца. Сейчас идите в 106й кабинет, это на первом этаже, получите документы. И пожалуйста не натворите делов во время увольнения.

Всё сделав я вышел из корпуса, спустился на три ступеньки и сел. Хотелось перекурить, но сначала хотелось осмыслить и успокоиться. Так я и просидел пока рядом не пристроился вдруг тот самый щеголь в костюме. Я посмотрел на него.

– Не взяли? – спросил он.

– Взяли- ответил я.

– Будем знакомы? – спросил он. Карпенко Иван.

– Корявин Иван.– ответил я.

– Что-то тебя долго мучили, – сказал он.

– Зачисли сразу. Проверяли там, документы смотрели.

– Меня тоже взяли. То есть зачислили.– спокойно заметил он. Покурим?

У меня как камень с души упал. Значит я не один такой особенный, без экзаменов зачисленный. Это сразу изменило мое настроение, и я полез за пачкой с большим удовольствием.

– У меня налет есть- сказал Карпенко. Как бы опережая мои расспросы.

– У меня тоже. Я до армии еще успел. А потом ШМАС.

– А у меня отец Начальник аэроклуба в Москве. Я у него

и налетал. Сначала с ним. Потом уже одного отпускал. Почти пятнадцать. На «Армане».

Я не без хвастовства заметил:

– А у меня двадцать. Зато и на «Аврюше» и на «Р-5».

– Понимаю. Но тебя не из-за этого взяли. Они при мне обсуждали одного лейтенанта, который ШМАС закончил. А я кроме тебя тут лейтенантов не видел. И он тут приобнял меня так, культурно, и похлопал по плечу.

И понял я что с этим Иваном долгую дорогу мы пройдем.

Глава 16

В Ейске пришлось мне решать очень непростую задачу. И совсем не связанную с предстоящей учебой. Получилось то как. Шесть суток образовалось. В Ейске шесть дней сидеть смысла никого. Да и негде. Куда ехать, – вот дилемма. К Вере в Ростов? Или В Луганск, – к Матушке?

И туда и туда сердце рвалось. Ведь учеба начнется- когда еще выберусь.

Но поразмыслив я решил, что и так и так через Ростов-батюку ехать, а там и решу.

Глава 17

Вера висела на мне бесконечно долго. Нет, мне не в тягость. Просто мне казалось что мы превратились в памятник. Памятник на вокзале Ростова-на-Дону. Люди все шли и шли обходя нас, а она всё висела и висела на моей шее, я конечно ее тоже обнимал, но было как-то не удобно перед людьми. А ей было удобно, на моей шее. И она всё висела и висела.

Потом мы пошли домой к её сестре, – Марине. Там и познакомились с родителями. У нее оказалось еще два брата. И всем им пришлось объяснять почему я всего лишь курсант, а уже младший лейтенант. Один из братьев, – Валентин, особенно был дотошный в своих расспросах. Все у него не складывалось. Но за накрытым столом все успокоились. И разговор как-то плавно перешел с меня на Германию. Все оживленно обсуждали хорошо это или плохо что к власти пришел Адольф Гитлер. Только один Валентин больше молчал и не вступал в обсуждение. Как-то не понравился он мне. Потом мы пошли гулять с Верой и конечно об этом я позабыл. Гуляли долго. Начало лета. Яблони осыпались белым снегом лепестков. Все зацветало. И рядом с Верой я чувствовал что моя жизнь тоже зацветает. Новая жизнь. Совсем непохожая на ту, оставленную в Полипках.

И вспомнил я о Матушке, как стоит она на околице. Где-там далеко. В прошлом, в которое я уже не вернусь. А на-

до бы. Училище, Вера, новая жизнь это все конечно прекрасно. Но Мать навестить бы надо. Да и Отца бы. Эх, но никак мне не выкрутить, – два дня туда, два обратно. А если что не так пойдет. Нет, придется, лишь письмо отослать. На следующий день написал Матушке большое письмо. Все обстоятельно, не торопясь. Сходили на почтамт с Верой, отослали. Указал в письме обратный адрес и училища в Ейске, и адрес Веры в Ростове, – мол вот моя Невеста, – так конечно не писал, но дал понять. Мол вот её адрес, прошу любить, жаловать и сомнения не иметь.

Глава 18

Начало учебы совпало с забавным событием. К осени после КМБ назначили нас с Карпенко командирами взводов. Его, – первого. Меня соответственно- второго. Всё обстоятельно перед строем объяснил капитан, тот что принимал документы. Мол так и так, у этих двух налет уже есть, а вы тут все- пока еще пехота пыльная, так что назначаются они не по уму а по умению. Капитан тот, оказался нашим Старшиной Факультета Лётнабов. По первости было обидно, что попали не на Лётный Факультет. Но курсантская жизнь оказалась столь стремительной, что переживания насчет этого быстро стерлись за повседневной рутинной. А через год учебы оба факультета и вовсе объединили в один поток. Прибавилось и лётной практики. Теперь мы становились не только Лётными наблюдателями но и Лётчиками.

Старшину мы про себя звали НикНик. Потому что – Николай Николаевич он был.

И вот однажды на построении он командует:

– Слушать приказ! В соответствии с Приказом по РККА личный состав авиации приданной частям Военно-морского флота переходит на звания согласно требованиям сухопутного устава РККА.

Обязываю личный состав ознакомиться в течении сегодняшнего дня со всеми изменениями, и начиная с дня зав-

трашнего, перейти к употреблению званий по новому положению.

Так мои знакомые майоры стали обратно из капитанов третьего ранга, – майорами морской авиации. Один- Зиновий Максимович. Другой- Черный. Мы их так и звали, – первого по имени отчеству, а второго по фамилии. Хотя он был Григорий Семенович, начальник училища. И курсантам не пришлось с ним общаться по имени отчеству. Мы в основном с НикНиком общались. Он для нас был воплощением самого училища. Жаль что расстались мы с ним при весьма печальных обстоятельствах.

Глава 19

Мы заканчивали обучение в училище. Некоторым уже были известны подробности их будущей службы. Мой друг Иван, а сдружились мы крепко, уже знал что вернется в Москву. Вроде ждала его должность, выхлопченная отцом. Что именно за должность он не говорил, а я и не спрашивал. Захочет рассказать, – сам расскажет. Тем более что и я чувствовал себя со спокойной перспективой. В канун нового 1934года прямо на итоговом партийном собрании Ник-Ник выступил перед товарищами и предложил мою кандидатуру на должность Летчика-Инструктора.

– А после окончания учебы, старшим Инструктором по летной подготовке останетесь, уже как преподаватель, - сказал он, также громко, но уже смотря мне прямо в глаза.

И отбивать такой мяч, как говорят футболисты, даже пытаться не стоит. А поразмыслив потом я не нашел ни одного аргументы против. В Партию вступил, Летный диплом считай в кармане, с трудовой деятельностью – определен. Осталось дело за малым, – семья.

Глава 20 (1934год)

Перерыв на обед это самая длинная перемена. После приема пищи нас не строили, давали команду вольно и получалось еще минут пятнадцать можно было перекурить. И вот стоим мы у главного входа, весеннее солнце уже вовсю кочегарит и снега почти не осталось. Человек тридцать, весь факультет. Кто курит, кто ворон считает. И возникают тут два автомобиля. Черных. У главного входа остановились. Вышли четверо. Водители остались сидеть. По форме мы конечно догадались, – кто такие. Гул от разговоров мгновенно превратился в тишину. А эти вошли. Мы все переглядывались, что же это такое происходит. Попытались прильнуть к стеклам входных дверей, но тут же дверь открылась и вышел один из них.

– Расступитесь пожалуйста товарищ курсанты, – вежливо но громко говорит он исподлобья.

И сказав это подымает значит взгляд из под фуражки. И все, от этого движения его, прямо пару шагов назад сделали. Отхлынули прямо. А он взглядом меня нашел и посмотрел чуть прищурившись. Мол, узнаешь?

А я узнал. Валентин, – один из братьев Веры. Посмотрели мы друг другу в глаза и я понял что он мне знак дает, – не показывать знакомство наше. И я взгляд перевел сначала на погоны его, – ага, старший лейтенант, а потом и вовсе

в гюйс впереди стоящего Ивана глаза упер.

Дверь он подпер одним плечом так и стоял. Потом слышались шаги и трое этих вывели нашего НикНика. Сели по машинам и уехали. Молча и буднично.

А потом прозвенел звонок. Толпясь в дверях, мы пошли на занятия. И никто нам ничего не объяснил. А спрашивать даже не хотелось. А я спрошу конечно, когда в Ростов доберусь.

Глава 21 (1935год)

По окончании училища, я был снят с довольствия как все теперь уже лейтенанты. И в тот же день вновь поставлен на оное, но уже как зачисленный в штат. Получил ордер на вселение на служебную жильё. Адрес был указан совсем не далеко от училища, да и что там в Ейске может быть далеким. Городок то совсем небольшой. Можно даже поспорить что больше, – городок или территория училища.

Я шел отмахиваясь от летящих лепесточков яблонь и груш, вспоминая такое же начало лета в Ростове. Как шли мы тогда в этом летнем снегу с Верой и планировали жизнь. А где-то через полчаса я сделаю очень важный для себя выбор.

Так рассуждал последние дни: если жилплощадь которую мне определят, будет достаточно большой и с удобствами, – то в такую жилплощадь не стыдно мне Веру позвать. Переехать значит ко мне. Но тут есть нюанс. Просто так она конечно не поедет. А может еще и поленом объяснить. Но мне полено не нужно, всё и так понимаю. Вобщем надо решаться, – предложение делать. Я теперь не просто курсантик на довольствии. А, на минуточку, – преподаватель летного училища! Без усов конечно, но усы дело наживное. А вот если по ордеру светёнка-комнатёнка окажется, – тут все планы мои головешками останутся.

Но оказалось не так просто. Домик был хоть и небольшой, но со вторым этажом под скатной крышей. Хозяев оказалось двое. Хозяйка да муж. Определили мне одну комнату на первом этаже. Любезно всё так показали, объяснили. Пригорюнился я. Лег на койку, глаза закрыл и прямо загрузил. Комната то не маленькая, но в доме, явно нам тесно будет. Как так две семьи под одной крышей? Не ложится карта, эх, не ложится. Так с час и провалялся, продремал. Хозяин вежливо стукнул в дверь и разбудил меня.

– Иван, время обеда. Пойдем с нами за стол.

Я отказываться не стал, с этими людьми мне еще жить и жить, откажешься- обидятся. За обедом конечно меня стали пытаться да выпытывать. Что да как, да какие планы на жизнь, надолго ли к ним?

Я расстроен был, честно говоря. И не стал от них скрывать ничего. Всё им о своих планах и рассказал. Что мол думал семьей обзаводиться, да вот молодуху звать некуда.

Степаныч очень молчаливо сидел. Только изредка то буркнет, то подкрякнет. А Галина наоборот все подробно выпрашивала, уточняла. Я даже заметил, – спросит чего, потом вроде как другие вопросы задаст, а потом раз и еще раз то же самое спрашивает. Проверяет, значит меня, ой, прямо сестру напомнила. Та тоже умную изображала, земля ей пухом.

Потом я борща еще попросил. Борщ конечно вкусный был. На том трапезу и кончили. Я поблагодарил Хозяев и по-

шел прогуляться. Впереди у меня было аж 19 дней законного отпуска и торопиться с важными решениями не было никакой необходимости.

Глава 22

На следующий день написал два письма. Постарался без эмоций. Просто, что да как складывается. Что утвержден в должности, зачислен в штат, что теперь я не только Лётчик-Наблюдатель с дипломом, а старший инструктор по летной подготовке, что мол выделено мне жильё, скромное но нам хоромы и не чему, что в ближайшее время прибуду обязательно, для обниманий и поздравлений. Потом подумал и написал еще одно письмо. Тоже самое написал, только построже, без соплей. Сходил на почту, отправил.

Одно- Вере, другое Матушке, а третье- Кузьме Иванычу, пусть порадуетя.

На вокзале купил билет на поезд до Ростова, на через день. Потом в училище зашел, печати где надо поставил. Всё как положено. В магазины зашел, – гостинцы надобно присмотреть. Но покупать не стал. Надо что б отлежалось в голове. Завтра куплю.

А вечером подсобрал вещички. И вышел к ужину. Тут и состоялся главный разговор моей жизни.

Глава 23

Хозяева стояли у второго выхода из дома, – в сад.

– Иван, идите к нам, – сказал Степаныч.

Они расступились, пропуская меня вперед и мы все трое оказались на ступеньках, на улице. Сада я еще не видел. Тут росли и яблоки и груши и смородина и абрикосовые деревья. В глубине сада справа по традиции виднелся деревянный нужник. А слева в зелени была постройка-недостройка. Степаныч сказал:

– Пойдем, покажу тебе кое-что. И увлек меня в сторону этой постройки. Подошли. Оказалось это что-то похожее на недостроенный толи птичник, толи хлев. Степаныч видя мое недоумение спросил:

– Поможешь достроить?

– Конечно, Михал Степаныч, – ответил я.

– Слушай Иван, такое у нас с супругой предложение имеется. У нас все лето впереди, в четыре руки мы с тобой из этого сарая вполне себе домик построим. Мы хотели коз завести да все не собраться никак. А из этого строения вполне себе жилой домик сделать можно. Я уже все прикинул. Стены утеплим, крышу тоже, внутри аж две комнаты получится. Жилая да кухня. А климат у нас сам знаешь, – не Сибирь. Буржуйка есть если что.

– Вы предлагаете мне здесь поселиться? -я действительно

не очень понял к чему он это все сказал.

– Я предлагаю тебе подумать о том чтобы поселиться тебе здесь после свадьбы. Вашей свадьбы. Мы же догадались что тебя смутила перспектива под одной крышей жить в две семьи. Вот мы решили тебе такое предложить. Подумай, дело твое. Если уж по зиме холода случаться, – то в комнату определенную тебе от училища переберетесь. Тут не сомневайся, мы тебе из дома не гоним.

Я был растроган таким предложением, хозяева оказались люди сердечные и практичные, как все в этих краях. Предложение было очень продуманное. Считаю отдельный дом предлагался. И я сказал:

– Михал Степаныч, Галина, спасибо вам, конечно я соглашусь. С достройкой -помогу. А вот насчет свадьбы в один голос за двоих решить не смогу. Для этого ответа завтра же отправляюсь в Ростов, за вторым мнением.

Мы рассмеялись, и пожали друг другу руки со Степанычем, как-будто все уже было решено.

Глава 24

Приехав к Вере, я наконец то увиделся с Валентином. Переговорить получилось после ужина. Пошли на перекур. Валентин закурил и протянул огонек спички мне. Пока я раскуривал он начал:

– Скажу тебе чуть больше чем могу. Но прошу вопросов не задавать. Мы с тобой люди военные, – все должны понимать. Итого, с ним вы больше не увидите. О событиях в Испании слышал?

– Слышал. Говорят вот-вот начнется?

– Скорее всего. А он по нашим данным, – франкист, это не говоря уже о том, что бывший царский офицер. Выводы делай сам, Иван.

Я стоял и молчал. Все было сказано кратко и очень понятно. Вопросы казались не к месту.

– И еще, Иван. Подумай вот о чем. Там, – он махнул рукой за горизонт, скорее всего все-таки начнется. Наша Коммунистическая Партия однозначно окажет помощь Республике. Военную помощь. Будет отправляться техника, самолеты. Нужны будут люди с руками, спецы. Понимаешь? Чтоб нашу технику там собрать, местных обучить, в ремонте помочь, вообще вопросов много будет. И тебе, Иван, вопрос могут задать. Готов ли ты? -он посмотрел на меня и в его глазах отразились красные огоньки от его папиросы.

Я не думая вытянулся по стойке смирно и хотел уже ответить, но он тут вынул папиросу изо рта, огоньки в глазах пропали, он улыбнулся и хлопнул меня второй рукой в плечо:

– Вольно, летчик. Мы ж не на плацу. Итого, я тебя просто предупредил, по-родственному, наедине, понял? Между нами должно остаться, понял?

Я затынулся, горло пробрало. Оказалось моя папироса уже истлела.

– Да, конечно, я все понял.

Я полез в карман за еще одной. Хотелось все-таки покурить.

– Ну ты, покури, а я пойду, – сказал Валентин и вышел.

Глава 25

На следующий день после завтрака я пошел провожать Веру на работу.

Делать мне было нечего, а вставать рано я привык. Вера работала на стратегически-важном предприятии, – Заречевском горохонакопителе. Так у них официально называлось. Всю важность накопления гороха, для его последующей переработки, мне Вера рассказывала уже неоднократно. Моих знаний в области горохонакопления мне хватило бы на полноценную лекцию. И отпустить Веру в несколько дней отпуска согласились только с начала следующей недели, т.е. через шесть дней. Когда выйдет с больничного Роза Кац, её подруга, которая уже пообещала, выздороветь за два дня и не болеть впредь до самого убытия жениха.

– Это она про тебя, Ваня – пояснила Вера.

По разговору было понятно что письмо свое Вере я обо-гнал, приехал раньше него. А посему я решил чтоб Вера сначала спокойно прочитала его а я уже все поясню.

– Вера, мне все равно эти дни делать нечего, давай-ка я съезжу пока к Матери, тоже ведь надо повидаться. А вернусь – ты за свой счет и возьмешь. Дней у меня много, нагуляемся, – предложил я, когда мы подходили к проходной.

– Когда ты вернешься? – спросила она посерьезнев. Хорошая она все-таки, умеет собраться в нужный момент.

– День туда, день обратно, если на киевском. Дня 3—4 там, хочу еще на родину съездить в Белое, могилы подправить, отца да сестры. Так примерно в начале недели и получится.

– Да, наверно ты прав. Чего тебе тут маяться целыми днями.

Мы попрощались до вечера. И я отправился на станцию, за билетом.

Глава 26

К Матери пришел на работу, прямо с поезда. В городскую библиотеку. Матушка там архивистом работала.

– За порядок отвечаю, – говорила она, чтоб книжки в порядке были, да и не только книжки, чтоб везде порядок был.

Обнялись.

– Отпустят? – спросил я.

– Конечно. Чего ж не пустят? – сказала она и пошла к начальству.

Книжки это вам не горох копить, – подумал я.

Дома, вернее в комнате в коммунальной квартире, в которой жила Мать, я сразу увидел часы. Те часы, из деревенского дома, из детства, из другой жизни.

– Бьют? – спросил я.

– Я их не завожу уже давно, – ответила Матушка, – соседи жаловались по первости, а мне ни к чему. Я по соседскому будильнику встаю, он у них кого хочешь разбудит.

Мы проговорили до вечера, сидя за столом. Потом я был показан пришедшим с работы соседям. Представлен, похлопан и поцелован. Затем нами было отклонено предложение общего ужина по такому случаю. Мать сварила картошки, накрыла на стол в своей комнате, и уже оставшись наедине я предложил ей съездить в Белое.

– Я была там перед зимой. Давай конечно съездим. Только

в библиотеку надо утром зайти, – предупредить. Я же не сказала им сегодня что ты на несколько дней приехал.

– А ты разве письмо не получила? Ну тогда у меня на завтра целый доклад для тебя будет подмигнул я.

Глава 27

Всё успели. В Белом остановились у соседей. И на кладбище побывали и к Кузьме зашли. Письмо к нему тоже не поспело. Вот как бывает.

Вернулись в Луганск, а вечером я уж было засобирался. Но Мать отговорила, завтра отправлюсь. Вечером все грустила, вот мол совсем уезжаешь. Невеста из другого города уже. Ко мне совсем и нужды приехать не будет. Я утешал, объяснял, что обстроится надо, главное работа есть, с остальным разберемся. Да и что нам со свадьбой торопиться, не гонит же никто. Матушка внимательно, с прищуром все слушала, потом словно решилась:

– На вот, Ваня, возьми, – и протянула мне на ладони два колечка, – это наши с отцом, нам ни к чему, тебе видать время пришло. Да не отказывайся, хоть на этом не потратишься.

Я принял подарок, обнял Мать. Теплые колечки. В ладони держала сколько? Видно до разговора то уже все решила. Эх, закатить бы свадьбу на всё улицу, как раньше в Белом гуляли. Да не про меня это. Куда мне с моим то жалованием, да Веркиным горохом. Распишемся пока в исполкоме, мы люди не верующие, Епитимьи да Анафемы всякие нам по околице.

Глава 28

Добирался до Ростова я в этот раз долго. Пассажирский на который я билет брал, дошел до Краснодона, и нам объявили что на путях авария и когда поедем не понятно. Время к вечеру пошло и решил на попутках рискнуть. Вышел со станции, два грузовика военных стоят. Подойду, думаю, я ж по форме все-таки.

Водители курили с ними сержант в годах. Объяснил им, мол вот до Ростова бы по семейным обстоятельствам проматываю отпуск. Сержант меня выслушал и говорит:

– Не положено, товарищ лейтенант. Вы же сами знаете. В Шахты едем, нам в Ростов то не надо.

Тут только я сообразил что я и не спрашивал их куда они едут. Так поторопился им объяснить что их маршрутом и не поинтересовался.

– Так возьмите хоть до Шахт, всё по дороге.

– Не положено, – железно отрезал сержант и пошел к головной машине. За ним пошел и второй водитель:

– Вы товарищ лейтенант если храбрый, – в кузов прыгайте, под брезент. Я пошел заводиться, а вы решайте, – сказал солдат водитель второго грузовика, – потрясет конечно, но тут уж вам решать. Перед Шахтами мы сворачивать будем с трассы, я посигналю коротко, тут вы через задний борт и прыгайте. Только через задний борт!

Подмигнул и пошел к кабине. Надо было решаться. Машины завелись и медленно тронулись. Я посмотрел на задний борт. Эх, быстрее все равно не доеду. И запрыгнув через борт я согнулся под брезентом.

Когда стемнело, я уже не прятался. Сзади машин не было и вряд ли сержант меня разглядит в кромешной тьме. Уже ночью, притормозив, стали поворачивать и я услышав бип-бип, спрыгнул через задний борт. Огоньки задних фонарей быстро скрылись среди деревьев. Я остался в кромешной темноте.

«Тиха украинская ночь.

Прозрачно небо. Звезды блещут...» – в самое время вспомнилось.

Пошел я потихоньку в сторону Ростова. Через полчаса появились фары грузовика. Я стал махать обоими руками. Грузовик остановился. За рулем небритый мужик.

– Ты кто? – спросил он громко.

– Лётчик, самолет упал, мне в Ростов надо, за помощью. Подвезешь? – серьезно спросил я.

– Самолет, ух, – присвистнул он, а где?

– Да вон там в лесу, – махнул я рукой неопределенно.

– А ты один живой что ли?

– Слушай ты в Ростов или нет? Поехали, дружище, я тебе все в дороге расскажу.

В дороге я ему конечно рассказал. Сказку. Про то как в самолете кончился бензин и я нажав на тормоза, остановил

свой самолет на лесной полянке. Он только присвистывал. Оказалось он вез молоко с утренней дойки из совхоза на молочный комбинат. Я глянул на наручные часы, – мать честная пол шестого утра! Впрочем к Вере я позвонился уже после завтрака. Грязный и уставший. Но с кольцами в кармане.

Глава 29

Вечером мы сидели на лавочке у дома. Было темно, жарко, жужжали кусты. Было тихо и мы разговаривали вполголоса.

– Я прочитала твое письмо, – сказала она, – оно пришло вчера.

– И что ты думаешь?

– А я Ваня думаю что позовешь ты меня замуж скоро, – она повернулась всем телом ко мне и уставилась прямо в глаза, – позовешь, я чувствую. А как отвечу тебе, – вещи собирать придется. А вещей у меня много, в комнату одну, да вместе с нами, – не влезут.

Она серьезнела на глазах. И буравила меня взглядом:

– А как дети пойдут? Ты значит на службу, а я с детём в чужом доме?

И тут она прыснула смехом:

– Ой, Ваня, видел бы ты своё лицо сейчас! – сквозь смех сказала она.

Наверно и вправду я выглядел не очень. Зубы скрипели, на лбу испарина.

Чтоб хоть что-то ответить я сказал:

– Послушай, в письме ведь не всё. Хозяева дома, кроме комнаты отдают нам летний домик. Его надо достроить, я за лето управлюсь. Это отдельная жилплощадь, кухня своя и комната. В саду, представь только, – окошко открываешь-

а тебе в руку абрикос спелый. Впрочем, Вера, я тебя не тороплю. Нам сейчас глупо будет про свадьбу думать. Но к осени постараюсь все успеть.

– Значит все-таки зовешь? – лукаво улыбнулась она, чуть отстраняясь.

– Зову, – сказал я и протянул в вспотевшей ладони два кольца. Горячих-горячих. Ведь я давно уже все решил.

Глава 30

Когда я вернулся в Ейск у меня оставалось еще четыре полных дня. Я так хотел уже приступить к достройке домика что аж чесался ведь. Но сначала надо было зайти в училище, – отметитья.

– Представляете Иван Тимофеевич, – рассказывал мне всезнающий Аверьяныч последние новости. Один из абитуриентов, заметьте- еще не курсант, – сдал документы в приемной комиссии после чего пошел по главному трапу на первый этаж, упал и сломал лодыжку. Теперь этот «Ботинок» изволит передвигаться на костылях.

– Потрясающее событие, Анатолий Аверьяныч, – сказал я, – а почему «Ботинок»?

– Как изволите его назвать если вторая нога у него белая?

– В гипсе?

– Однозначно. Что они там себе думают в этой Москве?

Через неделю первое построение, а он с белой ногой?

Мне стало интересно, – почему в Москве? – спросил я.

– Этот молодой прыгун прибыл к нам из столицы, – сообщил Анатолий Аверьяныч.

– А как фамилия?

– Миронов. Какая может еще фамилия у такого человека? – подитожил Анатолий Аверьяныч.

Постараюсь запомнить, чтоб на занятиях не отдалить ему

ненароком больную ногу.

На построении я его не заметил. Может мне не видно было с моего места. А может он схитрил и как-то замаскировал свой гипс, и терпел строевой проход без костыля. А может и вовсе «был списан на берег, не подымаясь на борт».

Но на первом практическом занятии он уже был в двух ботинках. И спрашивать его я не стал. Это не по уставу. И не по мне.

Глава 31

Веру в Ейск мне так и не суждено было привезти. В сентябре, когда домик был почти готов, у неё умер отец. Вся их большая семья уехала в родной городок Каменск. Не так чтобы далеко, но говорить о свадьбе в такой момент совсем не к месту. Потом я получил от нее письмо :

«мы с Мариной и Мамой задержимся у родственников, – писала Вера. Мама после похорон сильно сдала. Говорит что папа её не отпускает и ехать в Ростов не хочет».

Вобщем вернулись они только в конце октября, еле-еле уговорив мать.

Так вот получилось. А Веру уговаривать не пришлось и подождав недельку после 40 дней, мы открылись всем. Оставалось дело за малым, – съездить в Луганск за Матушкой. Поэтому когда сходили с Верой в ЗАГС при исполкоме, там нам предложили сразу зарегистрировать, но мы попросились через неделю.

Я же все крутил в голове тот разговор с Валентином. События в Испании уже шли полным ходом. В «Правде» писали про нашу экономическую помощь, но все понимали про какую помощь идет речь.

Глава 32

В феврале нового, 1936 года, мы и расписались.

Верина сестра, Марина уговорила меня:

– Ваня, перевозки Марию Федоровну к нам. На постоянное проживание. Я Марина, она Мария, это точно добрый знак. Что она одна живет. Мы теперь официальные родственники будем, всяко нам лучше будет вместе под одной крышей. Квартира большая а жильцов не много.

Так и я все Матери и изложил. И видно было что ей предложение понравилось. На том решили что задержится она в Ростове на несколько дней а потом и определится окончательно. Валентин уже давно жил отдельно, а второй брат Николай, танкист, лейтенант, недавно переведен был в Шахтинск, там у него казенная жилплощадь предоставлена.

Так что после того как нас расписали, собрались мы в неполном составе. Женщины да я. Отметим скромно, выпили еще скромнее. И пошел я покурить во двор. Встал я у заснеженной лавочки, смотрю как смеркается.

– Стой, гад!, – вдруг кто-то кричит из подворотни. И выбегает оттуда парень. И катит он рядом с собой велосипед. Бежит рядом с велосипедом, и бежит прямо на меня. А за ним из подворотни появляется другой, постарше уже, моего наверно возраста, мужичёк:

– Стой, -кричит, меня увидел, – держи вора, – кричит.

Ну мне два раза повторять не надо, встал я со скамеечки поперек дорожки.

Паренек с велосипедом подбежал ко мне. Рослый такой, на поверку оказался. Велосипед отпустил. И пока велосипед падал на землю, медленно так падал, я прямой в нос и пропустил. Закрутилось у меня перед глазами всё. А этот уже велосипед подобрал и деру дал.

– Ну что ж ты, летчик? Аленький цветочек! – подбежал второй. И не задерживаясь помчался за, очевидно своим велосипедом.

Я ринулся за ними. В следующем проходном дворе я уже обогнал мужичка. Обида вселенская мне прямо впрыснула керосином в кровь. А еще через двор велосипедный воришка был застигнут у чугунных ворот выходявших на улицу.

– Только не убей его, – кричал мужичок откуда то сзади. Но было поздно, я уже приложился к интересующему меня носу.

Тут он подбежал и мы скрутили обессилившего вора.

Потом был свисток. Наряд милиции. Отделение. Звонок в комендатуру.

В конце концов нас с мужичком туда и доставили. В «газике» и познакомились:

– Павел Кизим, фамилия редкая, запомнишь?

– Иван Корявин, тоже на Петров, – сказал я и мы оба засмеялись.

Оказалось что он тоже летчик. Только войсковой. А до-

гнать воришку он не смог по причине того, что в начале «все-го этого фильма» получил «между шасси» ногой. И это резко отразилось на скорости преследования.

Из комендатуры мы оба позвонили домашним, каждый своим соседям у которых были телефонные аппараты. Потом мы чего-то ждали. Каждый рассказал немного о себе. Потом нас задокументировали и отпустили. Домой я вернулся само собой с Павлом, который с радостью принял мое предложение подкрепить рассказ вышедшего на перекур новоиспеченного мужа, основательным изложением о произошедшем.

Одно меня смущало. Как вся эта история отразится на моей службе.

Провожая Павла я сказал собравшимся в коридоре:

– Я провожу, перекурим заодно.

– Нет, нет, курите на кухне, – в один голос загомонили женщины.

Пришлось пройти на кухню.

– Спасибо, Иван, тебе еще раз, – Павел крепко пожал мою руку.

– Интересно, – сказал я, – Слушай а что ты думаешь о последствиях?

– Не волнуйся, – сказал Павел, – какие последствия? Грамоту еще вручат, вот увидишь. Мы с тобой общественно-полезное дело сделали. А то что ты ему в нос сунул, так этого никто не видел.

Глава 33

В конце мая Анатолий Аверьяныч, человек который знал всё, поведал мне что «по нашему училищу был запрос на характеристику, оттуда», – перстом он указал вверх, – и Вы должны понимать на кого, если это стало известно Вам сейчас же.

Поэтому я ждал. Ждал что вызовут. Ждал что спросят. Ждал чтобы ответить. Ответ был готов.

Но вызвали меня только в конце апреля. Сам Черный, начальник училища.

– Прошу садитесь, Иван Тимофеевич, – сказал он.

– Разрешите я постою, – ответил я, чувствуя, что вот он-момент.

– Нет, нет, садитесь, я настаиваю, надо поговорить нам, Иван Тимофеевич, по человечески, без устава, Вы ведь уже не курсант.

Я сел, потом все-таки встал и выпалил:

– Товарищ подполковник, к исполнению интернационального долга, готов!

Черный посмотрел на меня как на коня который сам отвязался и поскакал в поле.

– Это крайне похвально, Иван Тимофеевич, но с чего Вы решили?

Я сел на стул. Конь решил вернуться к привязи.

– Разве не об Испании? Товарищ подполковник, я думал.., – я замялся.

– Прекрасно, Иван Тимофеевич, что Вы так внимательно следите за обстановкой в мире и готовы на такие решительные шаги, – начал Черный, – я помню Вас в пору курсантом, Вы сохранили в себе эту кавалерийскую отвагу до сих пор, это похвально. Наша армия нуждается не только в высококлассных специалистах но и в таких вот отчаянных молодых... -тут замялся уже он, подыскивая слово.

Я решил промолчать, лицо мое горело, я понял что речь моя была как «пуля в молоко». Так и не найдя подходящее слово Черный откашлялся и продолжил:

– На Вас пришел запрос. Сначала был запрос на документы по Вам. Мы предоставили. Очевидно Вас проверяли. Анатолий Аверьяныч, я думаю, Вас проинформировал, – улыбнулся он. Я промолчал, а он продолжил:

– Запрос в войска. Вас очень хотят видеть на Балтике. Не только в Испании нужны такие спецы, Иван Тимофеевич. Наша Морская Авиация тоже в них нуждается. Так что доводите курс до экзамена, и к большому моему сожалению, будем прощаться.

Я опять подскочил. Во мне бурлили противоречивые чувства. И радость и горечь и разочарование:

– А как же Испания?

– Иван Тимофеевич, понадобитесь Испании, она пришлет на Вас запрос, – ответил Черный с явной иронией, – а пока,

он глянул в бумагах на столе, – пока Котлы.

– Не понял, товарищ подполковник?

– Место базирования так называется. Котлы, под Ленинградом. 27-я отдельная авиаэскадрилья БФ. Аверьяныч Вам все расскажет.

Он подошел ко мне почти вплотную и мы пожали друг другу руки. То ли он меня поздравил, то ли мы простились.

Глава 34

И снова три письма. В три адреса.

Нам с Верой надо было что-то решать. Котлы это не Ейск. Ехать надо было вместе. Тут вариантов не было вовсе.

Матушке получилось спокойствие в конверте. Она же тоже понимала читая «Правду» что да как. Я написал ей, что переводят меня на Север, и что там где жарко меня точно не будет, отсижусь там где холодно. Чтоб не волновалась.

Кузьме Иванычу написал еще короче. Что стул в училище продавил, а другой не дают. Поэтому в войска посылают. Туда где деревьев много да медведи за оленями бегают.

Глава 35 (1937год)

Весна 37го получилось насыщенным на события. В училище я доводил курс до конца, сдавал дела. А Вера как-бы между прочим сообщила мне, что беременна. Такой поворот я совсем не ожидал. Но мне было очень вкрадчиво и спокойно объяснено, что теперь мы должны быть вместе ни смотря не на что. Потому что семья. А я не представлял как на летном поле черт знает где, в каком то северном лесу, я появлюсь с беременной женой.

Эти мысли я вспоминал когда мы добирались до нового места, до нового расположения, до деревни со странным названием Котлы. Двое суток шел поезд до Ленинграда. Двое суток добираться пришлось и от Ленинграда до этой деревни. Хотя расстояния были совсем не соизмеримые. Попутки, попутки, попутки...

Я взял с собой часы, Матушка по моей просьбе привезла их в Ростов. Они заняли половину чемодана, но я очень хотел чтоб они отныне были всегда со мной. Иногда на кочках было слышно, как бумкают в чемодане часовые гири.

В деревне никто конечно знать не знал об аэродроме. И после третьего отрицательного ответа проходящего мимо деда, я всерьез стал думать, а не ошибся ли я с адресом. Пришлось искать деревенского старосту. Только он и выдал мне военную тайну, где находится летная часть. Дай бог ему

здоровья, – дал нам телегу, чтоб нас отвезли, куда надо. Телегой управлял тот самый дед, который ничего не знал еще час назад.

– Садитесь по-удобнее, тут не далече, – как ни в чем не бывало сказал он, и мы поехали, усевшись на сено. Пока ехали по свежей, хорошей дороге среди леса, Вера не выдержала и все-таки с явным укором спросила деда почему ж он нам сразу дорогу не показал, ведь знает же куда надо ехать. Дед на это философски заметил:

– Форма у вас вопросу не соответствует. Форма у вас морская, а интересуетесь летным полем. А мы тут хоть и в лесу сидим, да во все глаза глядим.

– Отец, воевал что ли? – спросил я.

– А как жеж. Япошек ежами накормили, да еще в карманы насовали, – дед подернул головой по-лошадиному, – правда не шибко помогло, да, но видно так нужно было.

– А что ж с такой формой никого не видели раньше?

– Нет, молодой человек. Таких не видал. Дорога то на летное поле, в деревню не заходит. Самолеты летают, видел. Где поле ихнее знаю. А вот таких морячков с крылышками тут не было еще, – дед оставался серьезным, но голос его уже звучал дружелюбно.

Я решил что лишним будет рассказывать этому «герою Цусимы» что к чему.

– А у вас медведи водятся? – вдруг спросила Вера.

– А как жеж, – ответил дед, – и лоси ходят, и лисы есть,

и зайцы. Вы сами откуда такие бледные?

– С Ростова что на Доне, – ответил я.

– Вот жеж, – дед опять подернул головой как лошадь, и лошадь его в тот же момент так же дернулась.

И мы промолчали оставшийся путь, с интересом рассматривая растительность. Совсем не такую как у нас.

Глава 36

– Ждал Вас, очень ждал!, – подполковник жал и жал мою руку, широко улыбаясь, – Вы даже не представляете какую охоту мы на Вас объявили. Нам нужен именно такой специалист, садитесь пожалуйста, Вы один?

– Я с женой, она за дверью, – сказал я, в легкой растерянности.

– Давайте так, я как Ваш командир, ставлю задачу и отпускаю отдыхать, фамилия моя Преображенский.

Мы сели у стола.

– Стеценко, – крикнул он как бы за дверь.

Вошел человек в рабочей летной форме без погон. Майор четко выговаривая каждое слово сказал:

– Стеценко, такая задача, – возьми двух бойцов протопите в нашей богадельне 4 кубрик. Приберитесь. Кстати познакомьтесь – наш новый лётнаб. А это, – он положил свою руку на плечо Стеценко, – наш генерал-интендант всея и всех, Григорий Кимович. Если что по быту какие-то вопросы, – всё к нему, всё решит. Мы поздоровались и представились. Тем временем подполковник продолжал:

– Там за дверью девушка должна быть, это вот жена товарища старшего лейтенанта. Но ты её пока не трогай, с кубриком их разберитесь сначала. Потом их двоих туда и проводишь. А мы пока по службе поговорим.

– Как же, двоих, – с явной озабоченностью тут сказал Стеценко, – не совсем их двое то, товарищ командир!

– Как так? – спросил Преображенский.

– Разрешите пояснить, – сказал я, – в положении жена. Наотрез отказалась остаться в Ростове. А я честно говоря не был проинформирован о службе на полевом аэродроме.

Возникла пауза. Но Преображенский отреагировал неожиданно. Вдруг улыбнулся и изверг фонтан позитива:

– Что Вы, в самом деле! Какой полевой аэродром! Да тут целый город скоро будет! Мы же полк формируем! Вы что? Мы же Вас специально с училища схватили! Да мы свой роддом построим! Рожайте сколько хотите, нам морлётые позарез нужны!

Я опешил, а он выпроводил недовольного Стеценко из кабинета, хотя тот уже голосил своё:

– Рожайте. А кто роды примет? Стеценко?

Оставшись вдвоем в кабинете Евгений Николаевич, так звали подполковника, поведал мне о ближайших перспективах в соответствии с директивой вышестоящего командования. С его слов получалось, что наша эскадрилья не долго будет отдельной, что формируется целый полк, минно-торпедный, все по профилю, что случайных людей не берут и что Лётнаба такого, с опытом налета, обучения личного состава устройству самолетов разного изготовления, они только в Ейском училище и нашли.

– И не я тебя нашел, – продолжал Преображенский по-

казав глазами наверх, – выше бери. Кто там твою карточку предложил, – врать не буду, не знаю. Надеюсь не разочаруешь. Ни моих надежд, не оказанного тебе доверия командования. А городок прирастать будет. Тут только держись. Ветку от Копорья уже тянут, своя станция будет. Думаю через год мы так разрастемся что до деревни застроимся. А пока потерпите. Вечером в 18.00 давай-ка ко мне, – летучку соберем. Хотя, нет, давай завтра в 8.00 построение, а после все равно все ко мне придут, вот я тебя и представлю. А сегодня обживайся. Стеценко не отпускай. Пусть все сделает.

Мы попрощались и я вышел. По моему довольной физиономии Вера наверно сразу поняла что все будет хорошо.

Глава 37

Мы обживались. На момент нашего приезда в эскадрильи было девять самолетов «ДБ-3» и один «Р-5» как вестовой. Хотя в расписании он значился по сухопутному-почтово-связной. Привычка половину вещей называть по-флотски сохранялась во всём. Кубрик, камбуз, галюнь, даже «Р-5» называли на флотский манер, – вестовой.

Офицеров было пока не много. Я был представлен личному составу пока еще эскадрильи и определен в подчинение флагштурману Хохлову. С ним складывались хорошие отношения. Я видел в нем пронизательность и дотошность, а эти качества я очень ценил в людях. Первый разговор с Хохловым все расставил на свои места:

– Вы товарищ лейтенант, – мои глаза, – говорил мне Хохлов. Картами мы пользуемся в основном сухопутными. И если над землей да в ясную погоду по ним еще как то можно летать, то при ограниченной видимости да и над побережьем или над морем, – толку от них мало. Поэтому нам и нужен опытный лётнаб, с образованием и квалификацией по этому делу. Кстати Вы уже в строевой части, – поэтому привыкайте к строевому обращению- «штурман». Летать придется много, район у нас не простой, Эстония и побережье Балтики, от Ленинграда до Цереля. Когда сформируется полк от наших с Вами карт будет зависит судьбы и экипажей и техники.

– Ясно товарищ капитан, – вторил ему я. Официально так официально, в друзья набиваться не буду.

Но почти каждый день прибывали и самолеты и люди. И через месяц у нас уже были готовые две эскадрильи. А к началу сентября формировалась и третья. Шестнадцатого сентября, перед строем, Преображенский объявил нам о переименовании нашей части в Первый минно-торпедный полк ВВС БФ. Последовало несколько соответствующих переназначений в результате которых я встал сразу на несколько должностей: заместитель командира третьей эскадрильи, командир звена, старший лётчик-наблюдатель. Ещё мне вменили в обязанности должность заместителя техника эскадрильи, но это была больше формальность, – каждый заместитель эскадрильи занимал эту должность. Осталось дождаться своего аппарата.

Глава 38

Знакомство с деревенским дедом оказалось очень кстати. Звали его Ефим Григорьевич. Был он у старосты вроде заместителя. Всё знал, всё мог. Как Стеценко только в деревне. И на новом месте эти два генерала-интенданта были нам очень кстати.

Для нас в разговоре мы называли его просто Дедом. Так было проще. Однажды дед привез нам на своей телеге колыбельку, сказав что выпросил у знакомых в деревне. Мы позвали его на чай. Усадили на один из двух стульев за столом. На второй села боком Вера. Я уселся на кровать.

– Где жеж рожать то думаешь? – спросил дед.

– Так вот как раз хотели у Вас спросить, Ефим Григорьевич, как тут у вас с медициной? – ответила Вера.

– Хотеть то оно можно, только вот прижмет, так и лёд сойдет, – изрек дед, и продолжил, – тут в Лебяжке больничка сеть, – там можно родить. Но там я бы вам не присоветовал. Там гарнизон большой стоит, – экипаж называется, это значит морячки кто корабль из ремонта ждет, кто в часть новую распределяется. Вообще фулюганства много, дебоширят почем зря. А больничка маленькая. Вся этими полосатиками забита. Кто в драке ухо потеряет, кто с пьяных глаз ноги-руки поломает. Понимаш к чему веду?

– Понимаю, – ответила Вера. Мы с интересом слушали.

А дед с удовольствием попивая чаёк продолжал нагнетать свою важность:

– Мебелю вам бы. Часы с птицей это хорошо. Но для интерьера маловато.

– Ефим Григорьевич, -сказал я, – а что другие больницы может посоветуете?

– А как жеж, посоветую, – продолжил дед, – вот если заранее соберешься то можно и в Ораниенбаум поехать. Там прямо – родильный дом есть. Особенно если муж подсуетиться, да по форме заявится. А вот если вдруг третьих петухов проспите, тут вам самое близкое в Копорье. Там больничка не большая, зато сельская. Чистая да без военных. Родишь, не заметишь. А мебелю я вам попрошаю в своих Котлах. Не бесплатно, но и не за три коровы жеж.

Глава 39

По совету Ефим Григорьевича и с помощью Григория Кимовича мы родили в Ораниенбауме. Вера была немногословна. За три дня до родов, вечером сказала:

– Завтра надо ехать. Уже скоро. Ты сможешь придумать с машиной?

Я пошел по длинному коридору нашего общежития в 19й кубрик, к Стеценко.

Григорию Кимовичу два раза повторять не надо было. Мы вышли в коридор и пошли в 8й номер, к врачу части, капитану Озолсу.

– Ян Карлович, -сказал Стеценко открывшему дверь Озолсу, – ожидаем прибавления, нужна машина в Ораниенбаум.

– Так берите, командирский ЗиС, ответил тот, – пойдемте к телефону.

Мы подошли к общему телефону в коридоре. Озолс набрал командиру. Получив добро, Стеценко набрал дежурному по части и мы договорились выехать в шесть утра. Вот так получилось. Все-таки хорошо когда все живут на одном коридоре.

Тем утром я отвез жену в Ораниенбаумский роддом. А следующим обедом меня нашел вестовой краснофлотец Котенко, посланный дежурным, и отозвав меня прямо из-за

обеденного стола, серьезно доложил:

– Товарищ лейтенант звонили дежурному по части, просили передать что операция прошла успешно и мальчик чувствует себя прекрасно.

– Как фамилия, боец, – спросил я, как можно строже, только б не выдать накотившую радость и волнение.

– Краснофлотец Котенко!

– Спасибо, Котенко.

Я подал ему руку, чувствуя как мокнут глаза.

Котенко тут посмотрел мне за спину, я обернулся и увидел в дверях Хохлова, – он подслушивал! Голова Хохлова исчезла и через секунды оттуда разразился гром голосов и все высыпали из дверей на улицу.

– Качай его! – кричали все, – Ура!

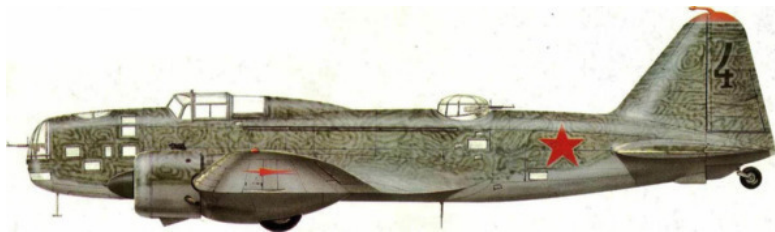
Кричали громко всё сливалось в один гул. Меня подхватили и несколько раз подбросили на руках толпы. Я был на седьмом небе. Я действительно там побывал.

Новый 1938год, мы встречали уже втроем, с Юрием. Об имени как то не спорили, быстро решили, еще когда только приехали в Котлы. Но по приметам, – молчали. Хотя оба не верующие. Что нам там всякие епитимьи.

Глава 40 (1938ГОД)

В январе сформировались 4я и 5я эскадрильи. Полк вышел на штат. Строители вытягивали новые постройки в сторону деревни. Такими темпами к лету мы совсем срастемся с Котлами. Железнодорожная ветка уже была видна и обозначилось место будущей станции.

Я летал много. Поначалу всё на «Р-5». Его первого поставили на лыжи. Брал свободного от полета летчика и вперед. Мне никто не отказывал. Летчики рады были тряхнуть стариной после своих «ДБ-3».

ДБ-3

Но по мере удаления от аэродрома, Токарев, наш комэск, стал давать определять меня к экипажам «СБ». Им практика, мне работа, и всем- польза дела. На этих самолетах я в основном летал вторым, но и первым изредка удава-

лось. По началу неофициально конечно, но потом само собой получилось сдать на допуск. Сначала на «СБ», потом и на «ДБ-3». Погода позволяла, снег шел как по расписанию-раз в три-четыре дня. Я постепенно расширяя круги в центре которой был наш аэродром. Видел уже совсем близко и Ленинград и Кронштадт. Засекал, зарисовывал, фиксировал летные ориентиры. Все данные передавал в службу Хохлову, для обработки. Фельдъегерский ГАЗик из картографической службы Базы привозил и увозил нашу работу почти каждый день. Работа кипела, я втянулся. И «СБ» и более новые «ДБ-3» я мог вести с закрытыми глазами. Но и вестового «Рому», как прозвали мы Р-5, вниманием не обижал.

Февраль принес нам странную новость. Наш Преображенский был снят с командования полком и отправлен в другое соединение. А нам представился новый командир полка, – грузин, Шио Бидзинович. Которого мы вскоре все стали называть – Шило Бензинович. По доброму конечно. Ничего плохого он нам не сделал. А мне так только – хорошее. Аж два раза. Получилось так.

Через пару дней после представления он вызвал меня к себе и после формальных слов перешел к делу:

– А тэпэр к дэлу, – говорил он, – я Токарэву уже сказал, что не дэло лётнабу без своэго экипажа работать. Так что, Иван Тимофэич, подумай кого возьмешь и набирай свой экипаж.

В дверь постучались. Просунулся Токарев, мой комэск:

– Разрешите, товарищ Майор?

– Да, да, давай заходи, мы как раз о тебэ говорили, – командир продолжил, – итак о дэлэ. Экипаж пусть сам подберет, в воздухе должны рэбята быть как один, без всяким там непонятностей. Какую машину отдаешь?

– У нас в этом месяце еще три «ДБ-3» придут. Новые, с Московского завода, – доложил Токарев.

– Вот это дэло, – ответил командир.

Казалось слово «дело» было его любимым.

– С этим дэлом всё решено. Первая машина которая приходит, – твоя, лейтенант.

И продолжил:

– Второе дэло. Карточку твою я видел, понимаю что училище за спиной, но всё это не дэло, надо новую технику осваивать. Поэтому, я уже подготовил запрос на аэрофотоаппарат. АФА – так называется это чудо. Слышали товарищи о таком?

– Никак нет, – ответил я, понимаю что вопрос в основном ко мне.

Шио Бидзинович очевидно ждал такого ответа:

– Скажу Хохлову, чтоб запросил у картографов что-нибудь для ознакомления. Но дэло такое, когда нам его дадут неизвестно. Я вообще не уверен что дадут, но попытаемся. Всё товарищи, не задерживаю.

И мы вышли из кабинета.

Глава 41

Думать о стрелке -радисте не пришлось. На следующий день полёты запретили по метео, а мне на глаза попался тот самый краснофлотец Котенко. Я остановил его и мы поговорили:

– Котенко, тебя как звать?

– Кузьма, – ответил тот.

Я понял что это судьба. Тем более что он добрую весть мне принес. Хотелось удачу поближе к себе держать. Я спросил его:

– Радиодело изучал? – спросил я.

– Изучал.

– А где изучал?

– Дивизион торпедных катеров Г-5. Кронштадт, – ответил Кузьма Котенко.

– Я экипаж подбираю, пойдешь ко мне стрелком-радистом? По морю походил, по земле бегаешь, пора и по небу пройтись. А, Кузьма?

– Так точно, – ответил краснофлотец. Ответил явно довольный и обрадованный.

А вот по второму пилоту пришлось подумать. В конце концов, посоветовавшись с Токаревым, я предложил это место капитану Усенко. Это был опытный и знающий летчик, с биографией, похожей на мою, хоть и из Ташкента. Но он

был постарше, и успел еще погонять на «Форманах» басмачей по средней Азии. А то обстоятельство, что он капитан а я старший лейтенант, – так это дело наживное.

Глава 42 (1938год)

Однако «ДБ-3» мы не дождалась. Прилетели сразу 3 новых «СБ». Эти машины были морально старше чем «ДБ», но все же их продолжали выпускать. Что-то видно там «наверху» переиграли, а приказы в армии не обсуждаются. Мы конечно подрастроились, но аппарат блеснул, новые моторы рвались в небо и руки сами тянулись к штурвалу.

СБ

Восьмого мая я поздравил Веру с праздником, а она поздравила меня со своей второй беременностью. Несмотря на этот факт, к лету Вера организовала кружок самодеятельности из жен личного состава. Кто пел, кто танцевал, а жена мичмана Шейкина, выпускница циркового училища, даже жонглировала и показывала фокусы.

Мы же на своем «СБ» летали уже не кругами на по заданию Хохлова, – большими прямыми петлями в сторону Фин-

ляндии, островов Моонзунда и дальше. Летать стали меньше но дальше. Работа стала размеренной и спокойной. Все мы как-то расслабились в конце года. Падающий в начале декабря снег, убаюкивал и успокаивал. И в этом расслаблении упустили кое что важное.

Вообщем и Вера недоглядела за собой, да и я не нервничал особо. Когда, как говорил один знакомый дед, прокукарекали третьи петухи, – только и стали бегать.

Машину свою, командир конечно дал, по звонку, и мы втроем, – Вера, я и водитель, помчались уже не в Ораниенбаум, а в Копорье. Это было значительно ближе. Но схватки начались на пол пути. Водитель, из вольнонаемных, в какой-то момент завяз в снегу. Машина редела, но не двигалась. Мы с Верой сидели на заднем сиденье, вцепившись друг в друга.

И оба стонали. Она от боли, я от бессилия. Мы явно не успевали в больничку.

– Давай, Ваня, принимай, – сказала вдруг Вера.

Водитель, серый лицом от происходящего, повернулся к нам:

– Что делать то, товарищ лейтенант?

– Иди кури, – сказал я.

Водитель вышел, не глуша мотор.

Перегнулся я через переднее сиденье, открыл собранный для больницы чемодан. Достал чистое белье и бутылку водки, прихваченную для врачей.

Омыл себе руки, выстелил место бельем как мог. Ну

и принял. Жена же сказала принять. Вот я и принял. Потом шлепнул кое кого по маленькой попке. Раздался недовольный писк. Вера сказала негромко:

– Слава богу.

Так у меня появился второй сын. Слава. Вячеслав.

Машину мы конечно вытолкали. И до Копорской больницы доехали. Веру с сыном там оставили на три дня, под наблюдение. А уже утром я Шилу Бензиновичу доложил, что всё в порядке. Новый морлёт в строю.

Глава 43 (1939год)

На Первомайский Праздник посетил нас сам командующий авиацией флота. Богатырского телосложения и вида комдив. Его так и называли в разговорах, – «Ермак». Хотя на самом деле был он, – комдив Ермаченков Василий Васильевич. В числе прибывших с ним офицеров я с удивлением обнаружил Ваню Карпенко, моего однокашника. После торжественного построения, речей и поздравлений, комдив объявил об вхождении нашего полка в состав бригады. Называться мы теперь будем 8я БАБ. Бомбардировочная авиабригада. Стало понятно что опять грядут перемены. После развода начальство направилось в штаб и нам с Иваном удалось переговорить. Мы подали друг друга руки, обнять его очень хотелось, но кругом было много народу и мы оба явно сдержались.

– Какими судьбами, Ваня? – конечно спросил я.

– Я же говорил тебе помнишь, – отец у меня в аэроклубе, в Москве работал, – улыбаясь ответил он, понял что за аэроклуб теперь?

– Ясно, – ответил я, – смотрю капитан уже.

– Не без этого, Ваня. Тебе тоже не долго осталось. Я представления еще не видел, но знаю что документы уже двигаются. Бидзинашвили ваш, хороший о тебе отзыв направил.

– Даже так? – я был искренне удивлен.

– Да, хороший он мужик. И запрос его на «арфу» я тоже кстати видел, но тут помочь не смогу. Как говориться в порядке очереди.

– Какую «арфу»? -спросил я.

– Это мы так «АФА» промеж себя назвали. Для удобства речи, – Карпенко усмехнулся, – ну давай после совещания поговорим еще.

И мы пошли на совещание ком. состава. Новостей было действительно много.

На нашем аэродроме появятся и истребители и самолеты разведки всё по штату авиабригады. Бомбардировщиков тоже прибавят. Эскадрильи скорее всего будут рассредоточены. Оперативный район расширен. Было озвучено, что отношения с соседней Финляндией ухудшаются, а одной из приоритетных задач нашей бригады становится защита Ленинграда в случае возможных осложнений.

После этого долгого совещания мы в ожидании убытия делегации снова разговаривали с Карпенко.

– Надеюсь ты не обиделся что я тебя порекомендовал в этот полк? – спросил Карпенко, – мне было поручено подобрать опытного лётнаба, и я кроме тебя никого особо и не искал.

– Какие тут обиды, – сказал я. Спасибо, что вспомнил. В училище конечно поспокойней было бы, но я б там затух.

– Вот вот, я так и подумал, – ответил он, – а преподавать на пенсии будем. И кстати, знаешь, наверно оно к лучшему

вышло. Почти весь твой последний курс на Дальний восток расписали. Слышал про события на Халкин-Голе?

– Слышал, читал в «Звездочке».

– Вот и я о том же, – продолжал Карпенко, – думаю, если бы ты в училище оставался, тебя бы точно туда бы послали.

Я тут вспомнил почему-то того курсанта из моего последнего курса, – Миронова.

Как же его звали? То ли Борис, то ли Григорий. Или это я путаю с дедом или Стеценко. Нет, не вспомнить. А Иван продолжал:

– ТОФ тоже усиливают, в Комсомольске большой авиазавод запустили, теперь прямо там самолеты уже выпускают. А комполка вашего заменят скорее всего. Он бригаду не потянет. Хоть к нему и претензий почти нет. Но я тебе этого не говорил, как понимаешь.

– Ясно, поживем-увидим.

– Ну давай, Иван, увидимся бог даст!

Мы крепко пожали друг другу руки. Я подождал пока их «Ли-2» оторвется от взлётки, и пошел в общежитие. Хотелось поделиться новостями с Верой.

Глава 44

В начале лета стали прибывать бомбардировщики и личный состав из 57го пикировочного полка. Наравне с прибывающими «ДБ-3» садились и знакомые «СБ». А однажды сел «Р-6».

– Что за диво дивное, – воскликнул я.

Мы стояли недалеко от взлётки с моим комэском Токаревым и застали посадку этого явного старичка.

– Тебе, Иван Тимофеевич, – сказал Токарев, – принимай аппарат. На «роме» далеко не улетишь, а «шестерка» хоть и старая но летает далеко.

Теперь на мою эскадрилью уже не смотрели как на стайку белых ворон. А не скрывая иронии так и называли, – третья, – «музейная».

Вскоре действительно произошла смена командования. Командиром 57го полка был знакомый нам всем Преображенский, только уже полковник. Его и назначили нашим новым комбригом.

Бидзинашвили проводили общим построением. Проводили хорошо, по-человечески. Странные чувства я тогда испытывал. И уходящий командир и новый-старый были одинаково хорошими и людьми и офицерами. Знающими и понимающими. Но начальству виднее.

Осенью меня все чаще стали посылать на вылеты на «Р-6». Районы наблюдения сместились севернее, к границам Финляндской республики. Я стал замечать поднятые аэростаты заграждения. Вскоре мы прозвали их «ливерной». Очень они походили своей формой на ливерную колбасу. Аэростаты поднимали без какой либо системы, явно шли

тренировки. Неужто и вправду воевать придется?

Глава 45

*Мы пришли помочь вам расправиться,
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озёр!*

Вера декламировала текст новой песни. На днях в клуб привезли партию новых грампластинок, и она запомнив несколько песен шепотом чтоб не разбудить малышню, рассказывала мне свои ощущения. Мы лежали на кровати смотря на часы и ждали выхода старой кукушки.

– Не понимаю, о чем эти строки? – шептала она, – как будто нас зовут в Финляндию. И о каком позоре речь?

А я ждал кукушку и не отвечал. И вот дверца заскрипела знакомым-знакомым скрипом и показалась голова. Когда же я её смажу? Эту чертову дверцу. А кукушку просипела свои положенные шесть. И начался новый день.

Глава 46

На построении стояли все под плотным снегопадом. Было объявлена готовность по флоту «раз». Это означало наивысшую степень готовности. Все учебные полеты отменены. Весь личный состав должен быть в распоряжении. Офицерам предписывалось не сдавать личное оружие.

Перед обедом всем опять объявили общее построение и Преображенский говорил те самые слова, которые большинство из нас так не хотели услышать:

«...Граница подверглась артиллерийскому обстрелу! Есть жертвы среди доблестных пограничников и мирных жителей! Война с Финляндской республикой началась! Колыбель революции в опасности! Мы дадим самый жесткий отпор недобитым в Гражданскую Белофиннам!..»

На обеде в офицерской кают-компании бурно обсуждали происходящее. Раздавались советы, озвучивались гениальные стратегические решения, неожиданные для врага тактические ходы. Всё сводилось к тому, что максимум три-четыре дня и враг будет разбит. А я думал не отправить ли мне Веру с детьми в Ростов. Линия фронта в ста километрах. А это не место для детей и женщин.

Глава 47

Вечером того же дня нам уже ставили первые задачи. Первым и самым важным названа была задача перехода на лыжное шасси. Снега уже было много и метео подтверждало такое решение.

– Токареву такая задача, – продолжал совещание комбриг, – идёте выше основной группы. Высоту выбираете сами, по метео. Экипажу Корявина обеспечить фиксирование работы группы. Звено Токарева обеспечивает прикрытие. Пойдете без подвеса, дольше провисите. Хохлов, давайте задачу еще раз вкратце.

Преображенский сел. Встал флагштурман:

– Вкратце так, 1я и 2я эскадрильи взлетают первыми. С полным подвесом. За ними идет звено Токарева налегке. Курс на Котку. Первая цель- оружейный завод. На картах у вас отмечен. Запасная цель- корабли в акватории порта, краны, склады. На жилые постройки не работать. Экипажу Корявина -максимально точная фиксирование результатов. Токареву прикрывать, потому как в истребителях нам отказано, – Хохлов перевел взгляд на Преображенского, – я ничего не упустил, товарищ полковник?

Комдив перестал смотреть в одну точку и зло хмыкнул:

– Хмм, да товарищи, в истребителях нам отказано. По причине того, что наша цель находится ближе чем бли-

жайший к нам истребительный полк! Каково?

Я буду добиваться, товарищи включения в нашу бригаду соединения истребителей. Это нонсенс какой-то, работать без прикрытия!

Товарищи, несмотря на эти трудности прошу, обязываю, – выполнить поставленную задачу! Это наше первое боевое крещение, товарищи! Старший лейтенант Корявин!

– Я, – отозвался я и протиснулся на пол шага вперед.

– Ваша задача не менее важная чем задача других экипажей. Вашего доклада и фотоснимков ждут не только в Ленинграде, но и в Москве. Это очень, очень важная задача.

– Так точно, товарищ полковник! Сделаем!

Глава 48

От винта!

Сердце колотится. Руки потряхивает. Я успокаиваю сам себя, что это от вибрации. Мы выруливаем последними. 1я и 2я уже поднялись. Одна машина из 2й так и не вырулила, что-то там у них не заладилось с одной из лыж. Взлетели. Минут через десять уже догнали остальных и пошли выше над ними. Облачность. Ни черта не видно. Я разместился на месте стрелка. Усенко вёл. А «Кота», так мы стали называть про себя Котенко, посадили на мое место в штурманский фонарь за переднюю турель. Подлетали. До Котки было всего чуть больше ста километров. Я снимал турель заднего пулемета освобождая нижний смотровой люк для фотографирования, когда услышал в шлемафоне:

– Ваня, поставь радио на общий.

Я перешелкнул тумблер.

– Готово!

Теперь мы все слышали всех. Общий эфир всех экипажей. Все переговаривались, было не разобрать, что конкретно говорят. Кто-то говорил -давай пониже. Кто-то наоборот – выше возьми. Прервал этот галдеш голос с хрипоцей. Это был капитан Клименко, он шел первым, на острие атаки:

– Отставить разговоры! Держать построение! Выходим на цель.

Возникла тишина. Только монотонный гул моторов. И чуть позже, очень спокойно:

– Я на боевом. Делай как я.

Волнение ушло. Как будто я прыгнул в воду. Все звуки стали глухими. Я лежал на полу и видел перед собой только смотровой люк. А в нем наплывала картинка. Монотонная морская гладь ограничилась берегом. Мы заходили почти перпендикулярно к цели. Вот я уже вижу порт, кораблики, здания.

Тут впереди за портом появились первые взрывы. Это наш авангард отработал уже. Я попытался снимать но взрывы были пока слишком далеко, да и стекло люка бликовало. Ничего не получалось. Еще взрывы. Мы уже ближе. В шлемафоне слышались короткие доклады:

– Я третий, закончил. -Я пятый, закончил, иду домой. - Шестой, иду домой...

А у меня ничего не получалось. Мы прошли сначала над самым портом. Там тоже были взрывы. Потом чуть вглубь. Кто-то из наших решил и тут отметитья.

Тут вообще всё заволочло от взрывов, ничего не видно. Я прижал ларингофон:

– Костя, тут ни черта не видно. Нужен еще круг.

Усенко отозвался:

– Согласен, развернемся и пройдем слева по берегу еще раз.

Отозвался и Токарев:

– Пятнадцатый, подымусь чуть выше тебя и приотстану. Пойду по твоему курсу. Как понял?

Усенко ответил:

– Понял тебя, десятка. Разворачиваюсь влево.

Мы чуть поднялись и пошли налево. Я продолжал лежать и смотреть в люк. И тут под нами, уже позади, прямо в воздухе стали возникать маленькие серые круглые облачка. И еле

слышно из-за гул мотора, – пах-пах-пах.

– Никак стреляют по нам, – послышался голос Котенко.

Я щелкнул затвором аппарата. Запечатлел эти разрывы. Страх не было, было интересно. Усенко сказал:

– Из чего они там стреляют? Из трехлинейки что-ли? Явно ж недолет.

Мы развернулись и зашли на цель. Я сказал Котенко чтоб записывал всё, что видит и стал щелкать затвором. Судя по взрывам, нужный нам оружейный завод накрыла еще первое звено. Он был совсем небольшой группой строений. А дальше воронки были расположены хаотично. Какие-то здания загорелись. В портовой зоне горело какое-то суденышко, похожее на угольную баржу. Краны стояли целехонькие. Что-то там еще на берегу было разрушено. Не понял но снимал. И еще левее горели деревья, – тут-то кто умудрился бомбы сбросить? Эх, пройтись бы еще раз да пониже. Я спросил Усенко:

– Может еще разок пройдем?

Но ответил мне голос Токарева:

– Отставить, ложитесь на обратный курс.

Я же радио с общей волны так и не снял. Мы легли на обратный курс. Я устроился по удобнее, облокотился спиной о стенку и стал зарисовывать в блокноте все что запомнил. Как тут вообще Кот летает? Жутко не удобно.

Подлетая уже к нашему берегу в наушниках раздался его голос:

– Смотрите, товарищ капитан!

Усенко ответил:

– Вижу, вижу. Ваня, видишь? Снимай! Похоже на ДБешку.

Я снова распластался и прильнул к смотровому люку. В воде были обломки самолета. По очертаниям действительно похоже на ДБ. То ли он пытался сесть на воду, то ли упал с небольшой высоты и еще не успел затонуть, похоже тут банка мелководная. Я щелкал затвором, хотя не был уверен, что в аппарате не закончилась пленка. Самолет был явно наш. Но хвост был разрушен и бортовой номер не виден. Послышался голос Токарева:

– Давай лево на разворот, пройдем ниже, посмотрим еще, может живых увидим.

Все три самолета развернулись, снизились. Усенко пошел «на цыпочках», на самых малых оборотах двигателя. Мы все смотрели. И в двух других машинах тоже смотрели. Но никого мы так и не увидели.

Токарев повторил команду на разворот. Мы повторили маневр. Никого. Токарев скомандовал лечь на обратный курс. Мы стали разворачиваться. В эфире повисла тишина. Все думали только об одном, – какой бортовой?

Тишина вдруг сменилась треском эфира и послышался голос:

– Я Амбар, я Амбар, подхожу к вам справа, даю ракету, подтвердите.

Мы все повернули головы направо. Там в небе уже хорошо различался «МБР-2», летающая лодка.

Было видно как летчик высунулся из переднего блистера и выстрелил красной сигнальной ракетой вбок.

МБР-2

Токарев как командир нашего звена ответил:

– Амбар, я бортовой десятка, вижу вас. Совсем не обязательно палить фальшфейер. Чем обязан?

– Десятка, правила такие. Радио не у всех. Там на Кургальской банке ваш упал. Иду по приказу на поиск, – ответил незнакомец, – вы проходили? Видели?

– Да. Только прошли, – ответил Токарев, – сделали два круга, никого не обнаружили.

Самолеты разминулись. Теперь связь могла пропасть в любой момент.

– Понял, десятка. Будем искать.

– Да, братишка, ты уж постарайся, – сказал чей-то голос в общем эфире.

На этом связь прекратилась. Мы прошли береговую линию. Через двадцать минут приземлись. Так закончился мой первый боевой вылет. Но день еще был далек до завершения. Нужно было сделать очень много и пережить тоже, – очень много.

Глава 49

Общежитие наше стояло далеко от взлётки, но всё же можно было различить, стоя у него, – какой бортовой номер садиться. Цифры на хвосте были крупные. Мы сели первыми, из нашего отставшего от всех, звена. И как только отрулили я первым вывалился из нижнего люка на землю. И сразу заметил фигурки у общежития, и Верину фигурку тоже заметил. Махала мне. А вот поросль свою уже не смог различить. Я тоже помахал ей в ответ. Подъехала полуторка. Из кабины вылез водитель-краснофлотец и Стеценко.

– У вас то все нормально? – спросил он.

Мы оба смотрели как отруливает Токарев и садится третья, последняя машина.

– У нас да. Кто упал? – задал я тот самый вопрос.

Стеценко покачал головой:

– Нольвосьмой. Чаплигин. Клименко говорит, что ни с того ни с сего, все равно было. Уже где-то на подходе к Кургальскому, Чаплигин доложил отказ одного, потом второго двигателя. И собственно никто не понимает в чем причина. А Чаплигин кричит что теряет высоту, что будет садиться на воду. Ну и всё. А что делать то? Четырнадцать самолетов в воздухе, а помочь то чем?

Стеценко замолчал, потом добавил:

– Вернее тринадцать. Всего вас четырнадцать было. М-да.

– А лодку кто послал? – спросил я.

– Амбарчик-то? Клименко сел первым, сразу комбригу доложил. Комбриг в штаб Базы. Там быстро сообразили. Хоть тут начальство не спит. Подняли, это от нас не далеко, – на Гора-Валдайском озере их часть. Разведка флота. Там их говорят штук 10—15, этих лодок. А что? Встретили?

– Да. Даже ракету показал, – ответил я, – Все по уставу. Серьезные такие.

– Вон Токарев идёт. Давайте прыгайте в кузов, комбриг за вами послал. Дожидается.

Мы запрыгнули в кузов. Полуторка повезла нас в штаб. А Усенко с «Котом» остались у самолета, что-то оживленно рассказывая техникам.

Глава 50

После доклада нас отпустили передохнуть. На 16:00 назначили совещание. Мы вновь собрались. Были только старшие офицеры, а также комэски, их замы.

Комбриг обязал всех побывавших на этом вылете высказать своё мнение. И по мере того как он слушал, мрачнел всё больше и больше. Потом предоставил слово Агафонову, – замполиту полка. Этот ожидаемо и быстро перешел на лозунги, мол всех победим и отомстим за смерть товарищей. Мы всё переглядывались с Токарем. Когда Агафонов закончил я попросил слово.

– Давайте, товарищ лейтенант, – позволил комбриг.

– Хочу перечислить только факты, – начал я, – без всякой эмоциональной оценки.

Результативно отработали только первые два звена. Далее из-за поднятой взрывами пыли, эффективность упала к нулю.

Я очень быстро стал давать именно эмоциональные оценки, которых так хотел избежать. Я рассказал, что не было смысла посылать такое количество самолетов на такую маленькую цель, что метеослужба предоставила слишком общую сводку по погодным условиям над целью, что низкая облачность фактически прижала нас к земле, что нам фактически повезло, что цель не имела ни средств ПВО, ни уж

тем более истребителей. Что всё могло кончиться хуже. Рассказал и об обстреле нашего звена при развороте. И наконец сказал о том, о чем все умолчали:

– Бортовой два-один вообще не поднялся. Причина? – течь гидросистемы. Почему эта течь выяснилась только на взлёте на задание? По упавшему нольвосьмому: Как имеющий опыт техник, считаю причиной отказа двигателей у нольвосьмого только внезапный перебой с топливом.

Оба двигателя встали практически одновременно, судя по тому, что я знаю. Это уже второй вопрос к техникам. Далее считаю бесперспективной работу одного лётнаба на такое количество самолетов в воздухе. Средствами контроля, а именно фотоаппаратами должны располагать хотя бы один экипаж из звена. Хотя бы! И нужна связь, товарищ комбриг! Хотя бы на головной машине. Если бы у капитана Клименко была связь, может быть МБРка кого и успела спасти. Я закончил.

Мне очень хотелось добавить в конце «прошу снять с меня обязанности лётнаба и перевести в обычный экипаж». Но я понимал, что тут был бы явный перегиб, и сдержался.

Комбриг хоть и был похож на карельский валун, но разговаривал мягко. Мы просовещались почти до семи вечера. Преображенский засобирился:

– Товарищи давайте закругляться, мне в Ораниенбаум еще ехать, на совещание.

Товарищам Корявину и Клименко даю полчаса, – изложи-

те все соображения, всё что озвучили, на бумаге. По ситуации я доложу наверх устно, а вот предложения понадобятся в письменном виде.

Глава 51

Войдя в общежитие я обнаружил у телефона матроса. Он вскинул руку.

– Вольно. Что тут у вас? – задал я какой-то нелепый вопрос.

– Товарищ старший лейтенант, по приказу дежурного по части, направлен сюда в наряд. На случай телефонных звонков. Вестовым. -доложил матрос.

– Ясно, – ответил я.

Из общей кухни высунулась жена мичмана Шейкина:

– Привет, Ваня. Вот предлагаю матросу поесть, а он всё отказывается. Прикажи ему, Вань. Картошку варенную можно же и на посту поесть.

Матрос бодро ответил:

– Голода не испытываю. Принимал пищу по распорядку.

– Лид, ты ему оставь в кастрюльке на общем столе, – сказал я, – это он сейчас голода не испытывает. А ночью его прижмёт, и на утро твоя кастрюлька пустая да блеснет еще будет.

Войдя в наш с Верой кубрик, я был обездвижен детьми. Оба повисли на ногах так, что шагнуть было невозможно. Вера сказала:

– Мой руки и к столу. Нас сегодня Шейкины угощают.

– Картошка в мундире? – спросил я.

– А как это ты догадался? – Вера явно удивилась и добавила, – мальчиков я уже накормила, так что доедай всё.

– А ты? Ела?

– Ну, и я с тобой, погрызу, -ответила Вера и стала снимать с картошки «мундиры».

Глава 52

На утреннем построении комбриг произнес небольшую речь про экипаж Чаплигина. О причинах аварии не сказал. Нечего было сказать. Погибли люди. Погибли на боевом задании. Потом он огласил, что удалось добиться уже вчера на совещании у командующего авиацией флота.

Сегодня же приходят радиостанции для дальней связи. Пока несколько штук, но это только начало. Также сегодня должны придти фотоаппараты, портативные. И старшему лейтенанту Корявину поручается организовать обучение стрелков-радистов по пользованию данными приборами. Утро было морозным, комбриг назначил очередное совещание у него на 10 утра и распустил строй.

Мы пошли в столовую выпить чаю. Вошли вместе с матросами, – они налево в общий зал, мы- направо в офицерскую кают-компанию. Там, в углу стояла небольшая тумбочка а на ней две стопки накрытые ломтями черного хлеба.

Офицеры входили и замолкали и никто не решался пройти дальше к столам, как это делалось привычно каждое утро. Все толпились и смотрели на эти стопки. Послышалось сзади:

– Разрешите, товарищи, проходите, – протиснулся сквозь толпу замполит Агафонов.

Он развернулся лицом к стоящим, и сказал:

– Нельзя расслабляться, товарищи. Идёт война, помните о своих погибших товарищах всегда. И в небе на задании, и здесь, на земле. Пусть наша злость, наша ненависть переродится в уверенность и силу, отвагу и смелость. И мы одержим безоговорочную победу над врагом!

Мы стали проходить, рассаживаться за столы. Усенко вдруг спросил:

– Товарищ замполит, а почему две стопки? В экипаже, – их трое.

Агафонов ответил:

– Еще одна такая стопка стоит в общем зале, у матросов. Третий в экипаже, – краснофлотец Серов.

Возникла секундная тишина, а потом все загудели, возмущаясь. Что это за бред? Зачем? Экипаж – это одно целое, это семья.

– Неправильно это, – гудели офицеры.

Токарев обратился к замполиту:

– Это надо исправлять немедленно! Корявин бери стопки, Усенко, – тумбочку.

– Успокойтесь, товарищи- Агафонов не стал никого перекрикивать, согласившись исправить это недоразумение, нелепость, ошибку.

Мы с Усенко перенесли тумбочку в общий зал и поставили рядом со стопкой краснофлотца Серова. Матросы притихли, потом из-за стола встал один, другой, встали все. Теперь экипаж нольвосьмого был в сборе. Два офицера и мат-

рос. Все морские лётчики.

А еще через пару дней в столовой снесли стенку разделяющую общий зал и офицерскую кают-компанию. Агафонов догадался. Я ему немножко помог догадаться.

Глава 53 (1940год)

К новому году мы потеряли еще пять самолетов. Пять экипажей. Мы начинали привыкать к потерям. Командование приказало до появления льда ставить мины, запирая немногочисленные финские корабли в их портах. А вот самих портов у финнов было много. Так что летали каждый день. Три самолета мы потеряли у их главного порта, – Хельсинки. Два экипажа еще дальше, у Ханко. Меня же направляли в другую сторону от залива, в полеты над Карелией. Там завязывался основной театр и уже было ясно, – исход этой войны будет решен на суше. В районе финского города Выборг.

Всё чаще в небе стали появляться незнакомые самолеты. В «Звездочке» написали большую статью, что Финляндии помогают и Франция и Великобритания и Швеция. Среди этой помощи назывались и марки поставляемых самолетов. В «Вестнике военного флота» приводились рисунки и известные характеристики. В основном истребители, названий таких я раньше и не встречал. Но в основном это были не быстрые, по всему – морально устаревшие самолеты. Ко мне они не лезли, а при намеке, я легко уходил, набирая высоту. Главным финским опознавательным знаком являлась широкая желтая полоса поперек фюзеляжа, позади кабины. Она хорошо просматривалась. Поэтому даже узнав по очертаниям нашу советскую «Чайку», именно по желтой

полосе, мы понимали что это финн, из тех что поставлялся еще до войны..

В первых числах января нам привезли «Ревень». Не тот который можно есть, а радиолокатор-улавливатель самолетов, «РУС-1». Инженеры развернули похожие на рыбацкие сети приемные антенны, совсем не похожие на ремень. Но название прижилось. И через несколько дней стройки и настройки у нас появились «глаза в небе». Теперь мы располагали информацией о том, что творится вблизи нас и были готовы к возможным налетам врага.

Финны такими средствами ПВО не обладали. Зенитные орудия и устаревшие, с времен первой мировой войны пулеметы, были малочисленны и сосредотачивалось в основном у крупных объектов. Но самолеты навстречу нам подымались все чаще. По полученным разведанным финны создали целую сеть акустических наблюдательных пунктов, со связью. От огня с земли можно было просто уйти выше. А вот встреча медленного бомбардировщика с быстрым, пусть и устаревшим, истребителем не сулила нам ничего хорошего.

Так через неделю настал день, который мог стать для меня последним.

Глава 54

Эскадрилья получили приказ бомбить финский гидроаэродром у Койвисто. Решено было идти в три звена. Моё звено шло замыкающим. Отбомбились результативно. Стали плавно уходить влево на разворот. Тут они и выскочили из облачности. Три Фоккера. Три желтых пояса.

Выскочили чуть снизу, прямо нам под пузо.

– Командир, сзади финны, – крикнул Кот. Через нижний люк ему было виднее чем нам.

И сразу пошли трассера в правую машину Соловьева.

– Выше подымайтесь, – раздался окрик Токарева, – выше!

– Огонь, Котенко, огонь! – закричал Костя.

Затарактел ШКАС, Кот открыл огонь.

Дан, дан, дан, дан. Я почувствовал толчки по корпусу.

– По нам попали что ли? – вскрикнул я.

Дан, дан.

– Похоже, – ответил Усенко, – Кот, что там у тебя?

Фоккеры пронеслись под нами и стали заходить на разворот вправо.

Я потянулся к своей передней турели, толку от этого было мало, – больше для самоуспокоения. В рацию кричал Токарев:

– Без паники, поднимаем выше! Выше!

– Кровь течет, зараза, – отозвался Кот.

– Ранен? Кот, что у тебя, говори! – повторил Усенко.

Первый шок проходил. Надо сохранить хладнокровие.

– По фонарю попали, – доложил Кот, – откуда кровь

не пойму, осколками задело что-ли.

– Стрелять можешь? – спросил я.

– Да, да, нормально, – отозвался он.

– Ну так стреляй! – крикнул Костя.

– Так нет никого! – огрызнулся Кот.

Мы шли тройкой, я в середине, справа-Соловьев, слева
Токарев. Держать строй, подумал я. И тут опять заработал

пулемет Кота и он выкрикнул:

– Вот они! Снова сзади!

Опять мимо нас пролетели трассеры.

Я повернулся всем телом направо чтобы рассмотреть. Все три Фоккера садили длинные очереди в машину Соловьева. Его стрелок отвечал, Кот тоже стрелял. А Токареву мешал наш самолет и его стрелок молчал.

– Соловьев, маневрируй, черт тебя дери! Уходи вправо, вправо! – Токарев мог помочь только по рации.

– Всё, похоже, – сказал Усенко.

Мы смотрели на машину Соловьева. Задымил правый двигатель, потом очередь срезало кусок левой плоскости. Они стали заваливаться всё правее в облачность.

Фоккеры опять пронесли мимо нас. Держали боевое построение, видно не зеленые там сидели пилоты.

– Соловьев, Соловьев, отвечай, – кричал Токарев по радио.

Но никто не отвечал.

Мы скрылись ненадолго в облачности, забираясь потихоньку всё выше.

– Сколько до берега? – спросил я Усенко.

– Минут двадцать, но толку? – ответил он.

– Кот, ты живой? – прижал я ларингофон.

– Живой, живой, -ответили наушники, – похоже мы следующие.

– Отставить, Котенко, – прикрикнул я, – смотри в оба!

Все замолчали. Понимали что будет через минуту.

– Командир, -вдруг прорезался Кот.

Я аж вздрогнул от неожиданности.

– Кто-то чистоты перебирает, – продолжил он.

Наши радиостанции могли принимать только пять частот.

Во время вылета, мы все заранее знали на какой частоте будем вести переговоры. Если частоты перебирались, значит с нами ищет радиоконтакт кто-то чужой. И Котенко это видел на самой рации по характерному треску и мерцанию ламп на приборе.

– Финны что-ли? – спросил Костя, – посадить нас реши-ли?

И в этот момент произошло что-то странное.

– Финны сзади, – крикнул Кот и снова заработал его ШКАС.

А спереди справа практически на встречном курсе, метрах в трестах, вдруг возник «Ишачок» и сразу открыл встречный огонь. Но не по нам, а по курсу, по финнам! Он пронесся мимо нас и мы увидели толстую полосу за кабиной.

Странную полосу.

– Что блять тут творится? – услышали мы голос Токарева, – Усенко, ухожу влево, давай за мной!

Истребители тем временем разошлись и скрылись из виду.

Усенко спросил:

– Что за представление, мать его?

– Командир, – включился Котенко, – вы видели? Какая странная у него полоса! А на хвосте, вы видели?

– Что на хвосте? – Токарев все слышал.

– Я таких не видел и полоса вроде не желтая. А хвост вообще разноцветный!

– Хрен его знает, что за гусь, – отозвался Токарев, – и по кому он стрелял?

– Явно не по нам, – ответил я.

Всё это было очень странно. Мы вертели головами в по-

исках ответа.

– Кот, смотри в оба, – повторил Усенко.

У нас была минута другая до новой атаки. Мы знали что у финнов есть наши самолеты и «Чайки» – И153 и «Ишаки» – И-16, их поставляли до войны. Но странное поведение «этого гуся» и еще более странная расцветка, путали мысли.

– Командир, – вдруг вскрикнул Котенко, я поймал его, включаю на общий.

Послышался щелчок в наушниках и мы услышали тархтение пулемета.

Очевидно у пилота была включена рация и он стрелял, но молчал. Мы обратились в слух. Пулемет выдал несколько очередей и замолчал. И тут раздалось на распев:

– Встречай нас суоми-красавица, как тебе такая встреча?

Это был русский голос. Я выгнулся со своего места и посмотрел на Костю. Он тоже посмотрел на меня сверху, со своего места, тоже ничего не понимая. Раздался голос Токарева:

– Вы на нашей частоте. Назовите себя.

В ответ раздалось:

– Проснулись тюлени. Я уж было подумал что вы без радио.

– Назовите себя, – повторил Токарев.

– Архангел Гавриил. Два четыре, – отозвался голос, – Спускайтесь под облачность. Уже можно. Я одного отправил ниже уровня моря, остальные двое сдрапали. Сколько до ва-

шей взлётки? Я тут немножко, э, подустал.

– Какая часть, – не унимался Токарев.

– Слушай, морячок, -отозвался голос явно злясь, – до дому я не дотяну. А ваша поляна явно где-то рядом. Сядем, – поговорим, договорились?

– Цирк, блять! Ладно, снижаемся до видимости, – скомандовал Токарев.

Мы снизились, появился берег. Странный истребитель догонял нас сзади, временами попрыгивая черным выхлопом, словно маленький паровозик из детской сказки. Потом стал понемногу догонять нас и наконец пошел левее. Держать нашу скорость ему было тяжело. Даже с явными проблемами истребитель шел чуть быстрее.

– Мне же не надо стрелять? – спросил растерянно по радиации Котенко.

Вопрос был к нам, но ответил тот:

– Я тебе стрельну! Наберут в авиацию от сохи, шоб тебя!

Теперь на истребителе была видна эта странная поперечная полоса не то красноватая, не то желтая. Но шире чем у финнов. А на киле видны были «два четыре» на фоне трех цветных полос красной, желтой и какой-то вообще, – фиолетовой.

Пошли над землей, появилась связь с нашим аэродромом. Токарев кратко доложил о нашей потере и нашем «приобретении». Сели мы со второго захода, пропустив первым этого странного, но всё-таки Ангела.

Глава 55

Когда мы отрулились и вылезли из самолета, «Ишачёк» уже окружила толпа.

А я смотрел чуть дальше. Там у кромки полосы рыдали несколько женщин.

Каким-то странным образом наши первые потери при-шлись на экипажи «неженатиков». А в экипаже Соловьёва, жёны были у двоих из трех. Жёны. Теперь уже вдовы.

Я стоял и мял в руках шлем, не зная куда мне направиться. Я искал

глазами Веру, но её не было. Подошел Котенко. Всё лицо и одежда у него была в крови. Он держал рукой какую-то тряпку прижимая бровь.

– Можно я в санчасть, бровь надо зашивать наверно, – спросил он.

– Конечно, – ответил я.

Наверно мне надо было подойти к этому нашему спасителю. Обнять и поблагодарить. А может быть мне надо было подойти к плачущим женщинам и сказать нужные слова. Но я не нашел силы ни для того ни для другого. Я сел прямо на заснеженную полосу, оперевшись спиной о колесо самолета. И закрыл руками лицо.

Глава 56

В кабинете комбрига выяснились подробности.

Истребитель был из 21го истребительного полка. Звали его Григорий Илюшечкин, капитан. Шел он с обычным по нашим временам заданием, – разведка с воздуха. И заметил он не нас, а первые два наших, возвращающихся, звена.

– Решил глянуть одним глазком, – рассказывал он, – откуда это морячки парадным строем маршируют?

Протянул минут десять по их курсу, тут вы на меня и выскочили. Как гимназистки из подворотни. А за вами значит эти. Унылые «ля ретта».

Думать поздно было. У нас в Мадриде за такое отношение к женщинам ломают нос. И я вступился.

Григорий чувствовал себя героем и не обращая внимания на присутствие комбрига, продолжал иронизировать. А может он просто был таким по сути своей. Закончив с описанием своего геройства, он ответил и про свой странный самолёт. Тут всё встало на свои места.

Их полк был сформирован недавно из нескольких эскадрилий. Включая и его отдельную, прибывшую из Испании.

– Прибыли уж больше года назад, а с перекраской всё тянут. Мы успели расформироваться, успели сформироваться, а перекраску всё только обещают и обещают. Говорят, надо машины перегонять для этого, а некогда. Вот так и летаем, –

в «републикано». Полоса то у меня красная изначально была. Но под жарким солнцем Картахены выгорела. Теперь вот почти финн. Так и от своих скоро получу.

Рассказывал он сочно. Даже комбриг пару раз улыбнулся. Это было редкое зрелище. Улыбающийся камень.

Вошел Агафонов, отдал Григорию документы:

– Всё в порядке, товарищ Капитан. Личность ваша установлена, ваш командир всё подтвердил.

Комбриг встал:

– Ну вот и славно. Такая задача, – пока техники разбираются с вашим мотором, вверяю вас в руки старшего лейтенанта Корявина.

– Товарищ лейтенант, – обратился комбриг ко мне, – обеспечить питанием и организовать отдых.

Я думаю вам есть о чем поговорить с товарищем капитаном.

Так у меня появился товарищ. Вернее сказать друг. Друг на всю жизнь.

Глава 57

Самолет Илюшечкина починили на следующий день. Не капитально конечно а так, – чтоб долетел. Необходимые запасные части для его самолета механикам пришлось выдумывать самим. Мы душевно попрощались. Вера выдала целый сверток с испеченными ею пирожками:

– Не с пустыми руками вернетесь, Гриша.

– Да что Вы, Верочка, я же не оторвусь от земли, – пошутил Гриша, но кулек взял.

Наш же «Увалень» нуждался в более серьезном ремонте.

Через несколько дней меня вызвал комбриг. В кабинете уже были Токарев, Клименко, Хохлов и Агафонов. Я поздоровался. Комбриг в своей манере начал:

– Принимайте новую технику, товарищ старший лейтенант. Привезли аппарат для высокоточной аэросъемки. Помните Бидзинашвили направлял бумаги?

– Так точно, – отозвался я.

– Вот, аппарат прибыл. Такая задача, – надо решить на какую машину будем ставить. Ваша, – не пойдет. Во-первых она в ремонте. А во-вторых есть у нас мнение, – он обвел присутствующих взглядом, – что с учетом ваше опыта, можно сформировать отдельный экипаж. Именно со специфическими задачами. Что думаете?

Я такого разворота не ожидал. В его словах конечно был

рациональный смысл. «Арфу» надо было ставить на более современный самолет, чем мой СБ. Но другой экипаж? Это больно ударило по самолюбию. Я сказал:

– Думаю, вы правы товарищ комбриг, аппарат нужно устанавливать на современный самолет. Мой «СБ» конечно староват.

– А почему без энтузиазма? – Преображенский смотрел в упор. Да и все смотрели в упор. Кажется я начинал краснеть. Но как сказать, как сформулировать? Вмешался замполит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.